

Ирина
Редная

Как
исцелить
любьвь

Ирина Редная

Как исцелить любовь

<https://litres.ru/74208117>

Аннотация

Ольга.

Повышение через постель? Нет, спасибо. Я и без того умею работать. А приставания босса в моём списке «мечтаний» занимают последнее место. Вот только пришлось выкручиваться — и я ляпнула, что у меня есть жених. И по нелепой случайности этим «женихом» становится один заносчивый, самодовольный обманщик. И к несчастью, слишком привлекательный, чтобы мой организм слушался голоса разума. Теперь мы притворяемся парой, и я всеми силами стараюсь помнить, что это всего лишь спектакль. А сердце, увы, давно играет по своим правилам.

Дмитрий.

Однажды я соврал понравившейся девушке, что работаю спасателем. Звучало героически, а вышло, мягко скажем, не очень. Она в итоге меня послала, и я почти смирился с упущенным шансом. Почти — пока судьба не подбросила новый сценарий: теперь я официально её фиктивный жених. Второй шанс от Вселенной? Или способ добить мою репутацию? Одно знаю точно: на этот раз я не позволю себе отступить. Даже если один мой небольшой секрет всё усложнит...

Книга является продолжением романа «Как упаковать любовь», но рассказывает о других персонажах. Можно читать как отдельное произведение.

"КАК УПАКОВАТЬ ЛЮБОВЬ" -

Содержание

Глава 1. Оля	5
Глава 2. Оля	11
Глава 3. Оля	17
Глава 4. Оля	22
Глава 5. Оля	28
Глава 6. Оля	34
Глава 7. Оля	39
Глава 8. Дима	43
Глава 9. Оля	50
Глава 10. Оля	55
Глава 11. Оля	67
Глава 12. Оля	75
Глава 13. Оля	81
Глава 14. Оля	87
Глава 15. Дима	96
Глава 16. Дима	101
Глава 17. Оля	106
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Глава 1. Оля

— Оля, ну пойдём с нами в бар! — Ленка сияла так, словно её подзарядили от розетки, пока я ранее умирала в ординаторской.

Я посмотрела на неё и мысленно закатила глаза. Господи, где люди берут столько энергии? Может, у неё в шкафчике стоит личный генератор? Или она питается солнечными лучами. Или смузи из шпината не такая уж и туфта, а я как дура, на печеньках и кофе держусь?

— Прости, Ленок, я пас, — выдавила я из себя улыбку, больше похожую на гримасу уставшего хомячка. — Так устала, что даже моргать боюсь.

Ощущение было что и правда стоит глаза закрыть — и всё, срочно вызывать реанимацию, потому что открыть их обратно я уже не смогу.

— Серьёзно? Кто тебя так измотал? Пациентов было много? — прищурилась она.

— Да нет, как всегда, — отмахнулась я и прислонилась лбом к дверце своего шкафчика. Холодный металл был настолько приятным, что я готова была прописать себе «металлотерапию». — Просто поздно легла, вот и клюю носом весь день.

Ленка закатила глаза, выудила из своего шкафчика банку энергетика и сунула мне под нос:
— На, спасайся бла-

гами цивилизации.

Я вскинула руки, как будто она мне гранату предложила. — Нет уж, спасибо.

Серьезно? Только язвы мне ещё не хватало. У меня и так гастрит — привет из студенческих лет, когда макароны с сосисками и пельмени с майонезом считались вершиной гастрономии.

Я стянула халат, бросила его в шкафчик и вздохнула глядя на себя в небольшое зеркало. Волосы, конечно, были похожи на пересохший веник. Ничего удивительного: кто-то в рекламе шампуня крутит шелковыми локонами, а я — кручу пучком на макушке, который с утра заколола карандашом да так и ходила с ним до сих пор. Лицо бледное, под глазами тени, которые визажист назвал бы «дымчатыми смоки», но в реальности это было скорее похоже на «панду».

Я ткнула пальцем в щёку и буркнула: — Красотка, хоть сейчас на обложку журнала.

Ленка прищурилась и хитро ухмыльнулась, хлопнув дверцей своего шкафчика так, что по раздевалке прокатилось гулкое «бац». Металлический звук эхом отозвался у меня внутри головы.

— Ну-ну... поздно легла говоришь. Признавайся честно, кто тебе не давал спать всю ночь? — сказала она, доставая из сумки жевательную резинку и с треском разворачивая фантик.

Я закатила глаза так, что едва не увидела собственный за-

тылок, и поморщилась: запах дешёвого кофе из автомата, стоящего у входа в раздевалку, вдруг стал казаться особенно ядовитым.
 — Лен, перестань. Я сериальчик смотрела, ясно? Там был новый сезон. И всё.

Она приподняла бровь и, понизив голос до заговорщического шёпота, добавила, наклоняясь ко мне так близко, что я почувствовала её жвачку с мятой:
 — Ага, сериальчик. У нас тут все в курсе, что этот самый «сериальчик» в живом исполнении прямо в коридорах ходит. Высокий такой, строгий... завотделением работает.

Я чуть не подавилась воздухом, резко развернулась и врезалась в распахнутую дверцу своего шкафчика плечом так, что внутри жалобно брякнули ключи и флакончик духов, а на коже точно появится синяк.
 — Что?! Лен, ты ненормальная!

— Да брось, — хмыкнула она и хлопнула себя по колену. — Ты думаешь, никто не замечает, как он на тебя смотрит? Прямо глазами тебя рентгенит. И не только по медицинской части, ты понимаешь о чем я.

Я закрыла лицо ладонями, чувствуя, как щеки начинают предательски гореть, и выдохнула сквозь зубы:
 — Ленка! Это всё плод твоей богатой фантазии.

— Ага, конечно, фантазии, — протянула она, с наслаждением надувая пузырь из жвачки, который с хлопком лопнул и прилип к её губе. — Просто весь коллектив уже ставки делает: когда он пригласит тебя «остаться после работы» у него

в кабинете.

Я застонала и снова уткнулась лбом в холодный металл шкафчика.

— Господи, только не это.

— Ну почему «не это»? — рассмеялась Ленка, запахивая свою куртку. — Мужчина солидный, симпатичный, да ещё и начальник. Все бабы только и мечтают, чтобы заведующий обратил на них внимание. А он смотрит на тебя.

— И ты думаешь, это повод для радости? — пробормотала я, бросив взгляд по сторонам прикидывая сколько человек сейчас могут стать невольными слушателями нашей беседы. — Это же прямой билет в ад: я, он и дисциплинарная комиссия.

Ленка прыснула, хлопнула дверью своего шкафчика и почти пропела:
— Да не парься! Главврач его родственник, так что вам точно ничего не угрожает.

А я только тяжело вздохнула и подумала: «Если бы все было так просто».

Хлопнула входная дверь и я подпрыгнула, как если бы меня застучали за преступлением. В раздевалку впорхнула Зоя — одна из администраторов этажа. На каблуках, в юбке-карандаш и с безупречным пучком на голове.

— Лаврова, ты ещё не ушла? Отлично! — Зоя радостно махнула планшетом, который в её руках был оружием массового поражения. — Тебя там Пётр Константинович искал, просил к нему отправить.

Мои глаза расширились одновременно с тем, как лицо Ленки расплылось в хитрой улыбке. Ну конечно, именно сейчас судьба решила устроить мне «рандеву».

— Зачем? — осторожно уточнила я. В голосе явно слышался панический намёк: «Может, можно отказаться?» — Может, скажешь, что не нашла меня?

Зоя поправила очки, бросила на меня взгляд с таким выражением, будто я только что попросила её сбросить пациента с лестницы. — Вот ещё! — фыркнула она. — Идти или нет — сама решай. Моё дело только передать.

С этими словами она развернулась на каблуках и умчалась обратно на пост. В воздухе остался её сладкий как леденец парфюм. Как еще никто не пожаловался на аллергию от такой газовой атаки?

Я постояла секунду, глядя на свой шкафчик, как на ворота в Нарнию, и обречённо достала обратно халат. Накинула его на плечи, будто боевую броню, громко захлопнув дверцу, поплелась к выходу.

— А я говориииила... — протянула Ленка, сладко пропев фразу так, что хотелось показать ей средний палец. — Надо было с кем-нибудь на деньги спорить.

Я предпочла проигнорировать её победный тон и идти дальше. Но, честно говоря, внутри уже вовсю звучал драматический саундтрек — скрипки, барабаны и я, шагающая навстречу своей судьбе. Или, скорее, навстречу неловкому разговору с шефом и бесславному финалу моего рабочего дня.

Глава 2. Оля

— Пётр Константинович, вызывали? — просунула я голову в дверь, как студентка, опаздывающая на пару и надеющаяся, что лектор внезапно исчез.

— А вот и ты, — мужчина расплылся в улыбке при виде меня и жестом пригласил на стул напротив. — Проходи, присаживайся.

Кабинет пах чем-то вроде кожи и свежих бумаг — запах серьёзных людей, которые успевают и работать, и высыпаться. На столе у него царил идеальный порядок: стопки документов, аккуратно сложенные папки, чашка без единого пятнышка. Мой же стол обычно выглядел так, будто по нему проехал танк.

Я вошла едва ли не на цыпочках, словно боялась оставить следы. Стул скрипнул, когда я осторожно опустилась на него, и я мысленно пожелала ему стойкости: «Держись, родной, не подведи в трудный момент».

— Я... э-э... — протянула я, не зная, зачем меня сюда вызвали и как себя вести. В голове мелькали самые идиотские варианты: от «я ничего не брала, честное слово» до «это всё Ленка, она подговорила». — Могу быть вам чем-то полезной?

— Конечно, Оленька, — ответил мой заведованием даже не поднимая головы и продолжая рыться в ящике стола.

Деревянный ящик противно скрипнул, — Ты вообще очень полезный сотрудник нашей больницы.

Я моргнула. Ну вот что это было? С комплиментов начал? Обычно комплименты звучат, когда мужчина хотя бы смотрит тебе в глаза, а не ныряет в залежи скрепок и степлеров. Или что там у него, интересно. Может мини-бар?

— Спасибо, конечно... — осторожно протянула я, прижимая руки к коленям так крепко, что костяшки побелели. — Но вы меня, кажется, не ради этого позвали.

Он наконец поднял взгляд. И вот тут я поняла, что Ленины слова о том, «как он на тебя смотрит», были, может, и не таким уж плодом её богатой фантазии. В его глазах не было обычной строгости начальника — скорее что-то слишком внимательное и заинтересованное.

Я нервно сглотнула и попыталась отвести глаза. Только бы он не подумал, что я его рассматривала. Но, естественно, не успела. Зав уже откинулся на спинку кресла, переплёл пальцы и с улыбкой добавил:

— У меня есть к тебе одно предложение. Особенное.

Внутри у меня ёкнуло: «Ну всё, точно. Сейчас предложит либо работать сверхурочно, либо организовать большую коллективную фотосессию сотрудников. Конечно же только за почетную грамоту. И, зная мою удачу, скорее и первое и второе».

— Особенное, — повторил он, сделав акцент на этом слове и его голос прозвучал так серьёзно, что я уже пригото-

лась к худшему.

Но Пётр Константинович улыбнулся шире и продолжил:
— Я хотел бы предложить твою кандидатуру на повышение квалификационной категории. Я за тобой наблюдал, ты давно этого заслуживаешь. Как врач общей практики, ты можешь претендовать на первую категорию. Это повысит и твой статус, и зарплату конечно же.

У меня внутри всё сначала ухнуло вниз (категория? статус? зарплата?!), а потом запрыгало, как ёжик на батуте. Конечно, я знала, что коллеги и с меньшим стажем чем я оформляли категории: сначала вторая, потом первая, потом высшая — и все ходили с таким видом, будто их посвятили в тайное сообщество. Но вот чтобы про меня такое сказали...

— Э-э... спасибо, — пролепетала я, чувствуя, что в голове сражаются две Оли: одна гордится и готова расплакаться от счастья, а вторая подозревает подвох и ждёт, что сейчас меня попросят подписать договор кровью.

— Более того, — добавил он и чуть наклонился вперёд, — в следующем месяце будет закрытое мероприятие организованное мэром для всяких уважаемых господ из министерства здравоохранения и избранных врачей. Там будут представители аттестационной комиссии, несколько главных врачей из больших медицинских центров. Я хотел бы представить тебя им лично.

Я моргнула. Закрытое мероприятие. Звучало так, будто меня собирались ввести в масонскую ложу.

— И... — он выдержал паузу, словно специально, чтобы я успела покраснеть и напридумывать глупостей, — я уверен ты сможешь произвести на них такое же яркое впечатление, как и на меня.

О, Господи. Вот теперь у меня точно гастрит обострится на нервной почве.

— Я... — выдохнула я, стараясь изобразить благодарность, а не панику. — Я даже не знаю, что сказать.

— Понимаю, ты наверное удивлена и растеряна, — не совсем верно истолковал мое замешательство Петр Константинович, — Но я конечно же, я не оставлю тебя одну в такой важный вечер, — голос его стал ниже, мягче, почти интимным. — Я буду рядом. Сопровожу. Объясню, как себя вести, с кем познакомиться... с кем лучше не связываться.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Само собой я не настаиваю, но, Оленька, — он чуть наклонился ко мне, и от его одеколона вдруг стало тяжело дышать, — такие шансы не дают дважды.

Его взгляд скользнул по мне и задержался на груди явно дольше, чем следовало бы, и уголки губ дрогнули в почти невинной, но какой-то уж очень двусмысленной улыбке.

— А в остальном — решать тебе.

Я почувствовала, как во рту пересохло, будто там пустыня Сахара. Сглотнула, но легче не стало.

— Это... неожиданно, — осторожно начала я, стараясь не заикнуться. — Большое спасибо, Пётр Константинович, что

вы подумали обо мне. Для меня это... большая честь.

Он прищурился, с любопытством наблюдая за моей реакцией.
— Честь — это хорошо. Но вот решимость уметь проявлять — ещё лучше, Оленька.

Я скрестила пальцы на коленях, чтобы руки не дрожали.
— Просто... решение серьёзное. Хочу немного времени всё обдумать. Если соглашусь, то подойти к этому ответственно.

Пётр Константинович постучал пальцами по столу.
— Время — штука коварная, — протянул он. — Пока думаешь, кто-то другой может занять твоё место. Я ведь уже объяснял тебе, что такие возможности дважды не выпадают?

Я выдавила улыбку, не слишком убедительную.
— Я понимаю...

Он снова подался вперёд, его голос стал мягче, почти доверительным:
— Тогда скажи мне прямо, Оленька, могу ли я на тебя рассчитывать? Мне бы не хотелось... разочароваться.

Боже, ну за что мне это «счастье»? Другие нормальные люди в тридцать с хвостиком обсуждают ипотеку, новые кухни и поездки в Турцию, а я вот сижу у начальника, и он намекает, что мое светлое будущее в медицине напрямую зависит от того, готова ли я, так сказать, пожертвовать своим личным пространством.

Прекрасная перспектива, правда?

Откажусь — и что? Закопают меня карьерно так, что ни

рекомендаций, ни шансов на категорию. Согласиться? Ни за что. Продавать себя ради бумажки? Да мне потом себя в зеркало стыдно будет смотреть.

И тут из меня, как будто кто-то другой говорил, неожиданно вырвалось:
— Мне нужно...это... посоветоваться с моим женихом.

Повисла тишина. Его брови удивлённо приподнялись, а я сама едва не прикусила язык. Жених? Какой жених? Но слово уже прозвучало, и назад дороги не было.

— Жених... — повторил Пётр Константинович, и на губах его появилась странная усмешка. — Ну что ж... тем интереснее. Посоветуйся, Оленька, конечно. Хотя, между нами, мужчины не всегда способны правильно оценить такие перспективы.

Я поспешно кивнула, благодарно ухватившись за возможность закончить разговор:
— Да, понимаю. Я подумаю, обсужу с женихом и... дам вам ответ в ближайшие дни.

— Только не тяни, — сказал он, и в его улыбке явно сквозила тень раздражения.

Я поднялась со стула и, стараясь не показать, как дрожат ноги, направилась к двери. Внутри меня кипело: зачем я вообще ляпнула про жениха? Но в то же время я ощущала странное облегчение — будто этот выдуманный «жених» оказался маленьким щитом между мной и его давлением.

Глава 3. Оля

— СЮРПРИИИИИЗ!!! — раздалось со всех сторон, и я, перекрикивая остальных, тоже вложила в это слово всё, что могла.

Лёша застыл на пороге, моргнул несколько раз, явно пытаясь осознать, что происходит, а потом его лицо расплылось в широкой улыбке. Смех вырвался у него так легко и искренне, что в глазах сразу вспыхнула та самая мальчишеская радость, ради которой, кажется, и стоило затевать весь этот сюрприз.

— Хей, с днём рождения, приятель! — я первой выскользнула из-за стола и шагнула к нему, обняв так крепко, будто собиралась передать всё накопившееся тепло и благодарность за то, что он вообще есть в нашей жизни.

Он прижал меня в ответ, и в этот момент весь шум ресторана словно на секунду отступил на второй план, уступив место простому счастью.

Вечеринка-сюрприз удалась.

Аня постаралась: она разыграла всё так тонко, будто действительно собиралась отметить праздник тихо, лишь втроем — она, Лёша и Полина. А на деле в уютном зале ресторана уже стоял длинный стол, украшенный гирляндой из живых цветов и свечами.

Я заметила, как Лёшины родители встали со своих мест

— мама с улыбкой, а отец с тем самым строгим видом, за которым всегда прячется нежность. Его сестра уже махала рукой, а рядом переглядывались друзья .

В воздухе витал запах запечённого мяса, специй и свежего хлеба, официанты бесшумно скользили между столиками, расставляя бокалы. Я успела уловить, как Лёша переводит взгляд с одного лица на другое, и чем дольше он смотрел, тем теплее становилась его улыбка.

— Вы что, все здесь? — он почти растерялся, и от этого выглядел ещё трогательнее.

— Ага, — хмыкнула Аня, подходя к нему и беря за руку.
— Сюрприз, любимый.

— Ты в последнее время прям балуешь меня приятными сюрпризами, — Лёша склонился к Ане и легко, почти бережно, поцеловал её в губы.

Я невольно залюбовалась ими. Ну до чего же это было красиво — видеть их вместе. От них будто исходило мягкое сияние, то самое, которое появляется только у людей по-настоящему счастливых. И я поймала себя на том, что улыбаюсь, глядя на них, словно на любимую романтическую сцену из фильма.

Около месяца назад Аня рассказала ему, что беременна. И с того дня эти двое, которых и раньше было невозможно оторвать друг от друга, стали совсем уж похожи на попугайчиков-неразлучников. Всегда вместе, всегда в движении друг вокруг друга, с их тайными улыбками, прикосновени-

ями, короткими взглядами, которые говорили куда больше любых слов.

И в этот момент я вдруг ощутила: да, именно ради таких вот картинок счастья и стоит верить в любовь, несмотря на всё, что с ней связано — на страхи, сомнения и прошлые раны.

(Прим. автора: историю Анны и Алексея можно прочитать в моем романе “Как упаковать любовь” — https://litnet.com/shrt/jq_R)

— Вы такие сладкие, что у меня вот-вот разовьется диабет! — заявила Лешина сестра, пробираясь сквозь толпу гостей, и крепко обняла именинника. — С днём рождения, братик!

Рядом скакала радостная Полина, её кудри, забранные в два пышных хвостика, подпрыгивали в такт движениям. Я готова была биться об заклад, что она радовалась этому празднику ничуть не меньше, чем если бы он был посвящён её собственному дню рождения.

Впрочем, неудивительно: совсем недавно у неё самой было пышное торжество по случаю поступления в школу, и теперь она с удовольствием смаковала каждую деталь чужого веселья.

Пока Лёша принимал поздравления, я подошла к Ане и крепко её обняла. Она буквально светилась — счастьем, гармонией, чем-то таким женственным, мягким и уютным, что рядом с ней хотелось задержаться подольше.

— Ну как ты, родная? — спросила я, чуть отстраняясь, чтобы заглянуть ей в глаза. — Как твой токсикоз?

Аня состроила забавную гримасу, а я не выдержала и расхохоталась.

— Ой, и не спрашивай, — вздохнула она тяжело, но тут же улыбнулась. — Меня по утрам только вода с имбирём и спасает. И то — если Полина не начинает бегать вокруг и задавать тысячу вопросов про братика или сестрёнку.

Я снова улыбнулась: ну да, в этой семье скучать явно никому не придётся.

Гости постепенно вновь начали рассаживаться за длинный стол, уставленный закусками и красиво оформленными блюдами. Официанты выносили горячее, а кто-то из друзей Лёши уже поднял бокал, громко предложив:

— Ну что, начнём? Леха, за тебя!

Все поддержали, и ресторан на пару мгновений наполнился звонким хором «ура!». Лёша, слегка смутившись, благодарно кивнул и прижал Аню ближе к себе, будто показывая всем, что самое важное поздравление он уже получил.

Полина, сияя, уселась рядом с ними и деловито наливала в свой и мамин бокал яблочный сок — «для тоста». Она, конечно, чувствовала себя важной частью этого праздника, и никто не планировал её останавливать. Смех, разговоры, звон бокалов — атмосфера была тёплой и домашней, несмотря на то, что мы сидели в ресторане. Я огляделась: лица сияли, глаза светились, и в этот момент всё казалось уди-

вительно комфортным, не смотря на то, что я не была знакома с частью приглашенных гостей.

Спустя какое-то время к нашему столу хостес проводила еще одного припозднившегося гостя. Я узнала его по голосу ещё до того, как повернула голову.

Дмитрий.

Глава 4. Оля

— Привет, старик! — радостно воскликнул Дмитрий, крепко пожимая Лёше руку и тут же затаскивая его в медвежьих объятия. — Ну как ты? Это не из тебя там на пороге песок рассыпан?

Я сделала вид, что очень увлечена своим бокалом вина, вертя его в пальцах так, будто изучала оттенки букета, достойного знаменитого сомелье. На деле это была всего лишь отчаянная попытка скрыть закатывающиеся глаза. Но, как назло, сердце выдало меня с головой — сделало крошечный кульбит, словно у него имелась своя память и собственное мнение насчёт Дмитрия.

Мы не виделись несколько месяцев — со дня, когда Аня как-то решила решила устроить нам «девичник».

Мы с ней и Полей тогда бродили по магазинам, мерили самые сумасшедшие наряды — от блестящих комбинезонов до платьев с перьями, в которых мы точно никогда не вышли бы в люди. Смеялись так, что кажется собирали в каждом магазине небольшую толпу «подсматривающих» чему же мы так радуемся.

Когда мы с девочками наконец вернулись домой — усталые, но довольные, — застали Лёшу и Димана в их настоящем «мужском раю». Они сидели перед телевизором, увлечённо рубились в приставку, вокруг — гора чипсов, пара

опустошённых бутылок пива и какой-то подозрительный соус на журнальном столике. Выглядели парни так, будто мир за пределами экрана перестал существовать.

Честное слово, даже наше появление они заметили не сразу. Мы могли войти хоть с фламинго под мышкой или в костюмах единорогов — максимум, что получили бы в ответ, это рассеянное: «Тсс, не мешайте, тут уровень сложный!»

А потом, уже между боями, Дима совершенно серьёзно начал рассуждать, сколько денег они могли бы зарабатывать, если бы ушли в киберспорт. Он даже сыпал какими-то цифрами и статистикой, будто только что подсчитал бизнес-план. Мы с Аней переглядывались и хором вздыхали: вот бы эту энергию да в мирное русло... например, хотя бы на уборку того апокалипсиса, что образовался в квартире всего за полдня.

И вот теперь он здесь. Немного позже всех, но с той самой лёгкой уверенностью, которая всегда была ему к лицу, но невероятно бесила меня.

У Вселенной, как всегда, нашлось свое непревзойденное чувство юмора. Потому что угадайте, где оказалось единственное свободное место для опоздавшего? Правильно — прямо рядом со мной. Спасибо, дорогая Вселенная, но, честно говоря, я бы не отказалась с кем-нибудь поменяться.

Дмитрий опустился на стул с видом человека, который опаздывает не потому что не успел, а потому что так захотел. И, что удивительно, пришёл он один. Вот уж чего я особо не

ожидала. С его темпераментом я была бы куда меньше удивлена, если бы он явился с парочкой девиц под ручку — одна в красном, другая в блёстках, и обе они шумно хохочут.

Хотя, если честно, я прекрасно понимала, что во мне сейчас говорит не объективность, а чистая обида.

— Оля, я очень надеялся тебя здесь встретить, — Дима улыбнулся и скользнул по мне взглядом с головы до ног, задержавшись дольше, чем следовало. — Ты выглядишь прекрасно, как всегда.

— Благодарю, — я изогнула бровь. — А ты... прямо повзрослел. Почти настоящий спасатель.

Да-да, иногда я бываю той еще язвой. Не горжусь собой, но прощаю эту маленькую слабость.

Мы с Димой познакомились на сайте знакомств — тогда я ещё и понятия не имела, что у нас окажутся общие друзья. Чисто от скуки завела страничку под вымышленным именем, чтобы меньше шансов было, что кто-нибудь с работы раскопает мою личную жизнь. А вот Дмитрий подошёл к делу куда креативнее: он не только зарегистрировался, но и сочинил целую легенду про себя.

Неделю! Целую неделю я общалась с ним каждый день, искренне веря, что он работает спасателем. Представляете? Я даже умудрялась в глубине души волноваться: как бы он не пострадал на каком-нибудь вызове. И ведь всё складывалось как в фильме — столько общего во взглядах на жизнь, совпадения в кино и музыке, что я буквально млела и начи-

нала верить: вот оно, что-то настоящее.

Даже сочетание «он — спасатель, я — врач» казалось мне чем-то судьбоносным. Мы же оба вроде как спасаем людей, делаем важное дело. Такая романтика, что хоть сценарий для фильма пиши.

А потом жизнь решила меня огорошить. Случай свёл нас у Лёши на даче, и там я узнала правду. Если Дмитрий и может кого-то спасти, то разве что деревья — перейдя на электронный документооборот или хотя бы покупая бумагу из переработанных материалов. Потому что никакой он не спасатель, а самый обыкновенный юрист. И знаете, сочетание «врач плюс юрист» почему-то уже совсем не звучало как великая романтическая история.

Дима засмеялся, явно уловив мой намёк и приняв колкость.

— Ну что, может, всё же простишь мне тот маленький маскарад?

Я пожала плечами и отложила салфетку. — Простить-то простила. Но кто сказал, что я не имею права припоминать?

Не дожидаясь его реакции, я поднялась из-за стола и направилась в уборную. Нужно было хотя бы на минуту побыть одной, чтобы привести в порядок мысли. Я чувствовала себя глупо из-за того, что так реагирую на Диму. В глазах других это, наверное, выглядело как невинная шутка — его выдумка про спасателя. Невинный розыгрыш. Ведь я в некотором

роде тоже врала, представлялась другим именем.

Но для меня всё было сложнее: прошлый опыт научил меня одному важному правилу — с теми, кто начинает общение с лжи, связываться опасно.

В туалете я застала Аню — она стояла, уцепившись руками за раковину, и полоскала рот с мученым выражением лица. Я сразу шагнула к ней, испугавшись, что всё серьезнее, чем кажется.

— Ты в порядке? Может, позвать кого-то? Лёшу?

Аня резко покачала головой, выплюнула воду и выдохнула почти с раздражением:
— Вот бы найти того, кто придумал выражение «утренняя тошнота», и засудить его к чертям. В моем случае время суток вообще не имеет значения. Хотя... — она на секунду задумалась.

Я молча протянула ей несколько салфеток и осторожно положила руку на плечо.

— Утром, конечно, тяжелее, — продолжила она и чуть прижалась ко мне. Я обняла её, поглаживая по плечам и спине, стараясь хоть немного облегчить.

— Говоришь уже как жена адвоката.

— Будущая жена бывшего адвоката, — поправила меня Аня, но снова принялась глубоко медленно дышать.
— Блин, когда я была беременна Полиной, у меня вообще ток-сикоза не было, — она глухо вздохнула. — Ты же врач, Оль, скажи, что со мной всё нормально, а?

Чуть крепче обняв подругу, я постаралась говорить мягче

и увереннее:
 — Ань, с тобой всё нормально. Это неприятно, да, но абсолютно естественно. Каждая беременность — как отдельная история, и у каждой женщины она протекает по-своему. То, что с Полиной всё было легко, не значит, что сейчас должно быть так же. Увы.

Аня нахмурилась, но слушала внимательно, склонив голову набок. Я, стараясь её подбодрить, улыбнулась и сказала мягко:
 — В общем, не паникуй. Я рядом. Если станет совсем тяжело — найдём способ облегчить твоё состояние. Ты ведь не одна.

Я лукаво подмигнула и, понизив голос, добавила:
 — Да и вообще, чего ты хотела... в прошлый раз ты была куда моложе.

Подруга рассмеялась и, не удержавшись, слегка стукнула меня кулаком в плечо.
 — Вот ты засранка!

Глава 5. Оля

Подруга рассмеялась и, не удержавшись, слегка стукнула меня кулаком в плечо.
 — Вот ты засранка!

— Что? — я возмутилась нарочито драматично, театрально расправив плечи. — Я тогда тоже была юна и свежа, как майская роза! В ординатуру собиралась, помнишь?

Аня закусила губу, пытаясь справиться с новой волной смеха и тошнотой одновременно, и прикрыла рот рукой. Наконец, отдышавшись, прошептала сквозь смехок:
 — Ладно, ладно, майская роза... Но учти: это не освобождает тебя от наказания за все твои шпильки в мой адрес.

— Наказание? — я фыркнула и скривилась, словно от кислого лимона. — Да я и так с лихвой наказана! Сама попробуй посидеть рядом с этим клоуном. Надеюсь, это не ты занималась рассадкой гостей? — бросила я, улыбаясь краем губ.

Аня только закатила глаза — её фирменный жест в такие моменты. Она делает так каждый раз, когда я позволяю себе ехидничать в адрес Дмитрия. Ей с Лёшей, кажется, что якобы мы с ним — идеальная пара, и у меня стойкое ощущение, что они даже подумывали свести нас, когда узнали, что мы знакомы.

Я вернулась в зал и, подойдя к своему месту, заметила, что мой «сосед по несчастью» полностью залип в телефон.

Пальцы быстро бегали по экрану, а он сам выглядел так сосредоточенно, будто решал судьбу государства, а не переписывался с кем-то в мессенджере.

Обычно Дмитрий встречал меня своей фирменной легкомысленной улыбочкой женского угодника — такой, что сразу хотелось либо закатить глаза, либо вылить на него стакан воды (вариант зависел от моего настроения). А тут — ни намёка на привычную ухмылку. Брови сведены, между ними прорезалась серьёзная складка, губы поджаты. В очках отражался свет экрана, и от этого он вдруг выглядел едва ли не аристократично.

Я поймала себя на том, что слишком уж внимательно его разглядываю. Ещё чуть-чуть — и начну считать ресницы. Вовремя спохватилась и едва не запнулась о ножку стула. Отлично, Оля, просто прекрасно. Видимо, последний бокал был лишним, раз я умудрилась засмотреться на Дмитрия из всех присутствующих гостей. Уж не настолько же я отчаялась, право слово.

— И снова привет, — заметил Дима, когда я вернулась за стол. — Так что, могу рассчитывать, что прекрасная дама подарит мне танец этим вечером?

— Обязательно уточню у неё, если увижу, — парировала я самым равнодушным тоном и полезла в сумочку за телефоном, демонстративно давая понять, что «прекрасная дама» со мной точно не совпадает.

На экране загрузилось приложение такси, и я с тоской

установилась на цифры. Тысяча с лишним за эконо и тридцать минут пути... За такие деньги я ожидала, что меня доставят не только до квартиры, но и донесут до кровати. Приуныла. Решила: ладно, не развалюсь — до метро дойду пешком. Ходьба, говорят, продлевает жизнь.

Завтра с утра снова на смену, а на работе и без пеших прогулок ощущаешь себя почти вечной. Ну как в той поговорке: «От работыдохнут кони, ну а я — бессмертный пони». Вот! Это про меня.

К нам подошёл Лёша и, склонившись, обнял за плечи одновременно и меня, и Диму.
 — Ну что, голубки, — протянул он с хитрой ухмылкой, — как вы тут? Развлекаетесь? Не скучаете?

— Да какая уж тут скука, — ответила я, похлопав его по руке, — праздник просто супер. Но, увы, мне уже пора бежать.

Я встала и, стараясь не зацепить никого локтем, осторожно протиснулась между стульями.

— Как? Уже?! — это прозвучало словно хором, и я не поняла, кто это сказал — Дима или Лёша. Либо вино давало о себе знать, либо они и вправду синхронизировались.

Я тряхнула головой и устало потерла переносицу.
 — Да, мне утром рано на работу. Спасать человеческие жизни и всё такое, сам понимаешь. — На этих словах я не удержалась и всё же стрельнула глазами в сторону Димы. Чисто случайно, конечно.

— Но я ещё раз поздравляю тебя с твоим днём! — добавила я уже бодрее, обняв Лёшу. Он крепко прижал меня в ответ, а через плечо я краем глаза заметила, что Дима смотрел на нас с задумчивым выражением лица. — Обними за меня Анюту, ладно?

Лёша проводил меня до гардероба и помог надеть плащ. Я почувствовала себя почти школьницей, которую старший брат провожает с вечеринки.

— Ты на такси? — спросил он, поправляя мне воротник.

Я как могла беззаботно отмахнулась: — Не, я своим ходом. Надо немного проветриться после такого застолья. — я покружила руками в воздухе, словно вокруг меня вертелись огоньки. — Если не сделаю этого, боюсь, до утра буду ловить вертолеты и считать овец.

— Уверена? Может, всё-таки вызвать тебе машину?

— Нет-нет, всё отлично! — поспешила я заверить. — Доберусь до дома на метро. Сейчас и народа там почти нет уже.

Лёша нахмурился, но спорить не стал. — Ну ладно, как знаешь. Но, пожалуйста, напиши, когда будешь дома. Чтобы мы с Аней не переживали, ладно?

— Будет сделано, — я отдала честь, сперва запутавшись, какой рукой это делается. — Не позволю беременной женщине нервничать из-за меня.

Мы ещё раз обнялись, я чмокнула Лёшу в щёку и выпорхнула на улицу, где вечерний воздух ударил в лицо прохладой. Ох уж эта осень.

Запахнувшись поплотнее, я неспешно направились в сторону ближайшей станции метро. Фонари на улице светили лениво и словно нехотя, создавая не то романтический полумрак, не то просто экономию на электричестве.
 Мимо проходили люди: кто-то чинно выгуливал собаку, кто-то тащил объемные пакеты с продуктами.

Из приоткрытого окна глухо тонированной машины, проплывающей рядом, донёсся свист и хохот. Мужской, конечно же. Куда без этого. Я внутри вся сжалась, но постаралась никак не выдать это походкой. Сделала вид, что просто не услышала.

Пару раз еще что-то прокричав, парни видимо поняли, что знакомство отменяется, интерес пропал, и машина уехала. Я позволила себе короткий выдох. Пронесло.
 Может быть я зря так нервничала. Всё-таки оживлённая улица, вряд ли что-то случилось бы. Но дешевый уличный свист в стиле «Эй, красотка!» я терпеть не могла и где-то на подсознании пугалась.

Ветер подул сильнее и бросил в лицо сразу растрепавшиеся волосы. Спасибо, хоть дождя нет.
 Хотя... стоило мне так подумать, как небо решило доказать обратное — и на голову начали падать мелкие колючие капли.

— Отлично, просто прекрасно, — пробормотала я, подняв глаза к небесам.

Смирившись со своей незавидной участью промокнуть и превратиться в продрогший комок жалости к самой себе, я

ускорила шаг. Главное — не свалиться с температурой. А то выйдет очень «экономно»: сэкономлю тысячу на такси, а потом потрачу вдвое больше на лекарства и заодно получу больничный, который оплачивается так, что проще вообще не болеть, а сразу в морг.

Погружённая в эти «радужные» мысли, я буквально подпрыгнула на месте, когда за спиной послышались быстрые шаги, и чья-то ладонь внезапно ухватила меня за локоть. Я взвизгнула так, что переполошила ближайших голубей.

Глава 6. Оля

— Прости, прости! — вскинул руку в примирительном жесте Дима. В другой он держал зонт, ловко укрывая нас обоих от дождя. — Я пытался тебя окликнуть, но ты, похоже, ничего не слышала.

Я всё ещё тяжело дышала, прижав ладонь к груди, будто это могло унять сердце, которое отчаянно пыталось пробить себе выход наружу. В ушах стоял легкий шум, капли барабанили по зонтам прохожих, где-то сбоку визгливо сигналил автомобиль, а рядом по начавшим образовываться лужам шлёпали быстрые шаги. Люди обходили нас, некоторые косились с неодобрением.

— Встали, чертовы наркоманы... — проворчала какая-то женщина, протискиваясь мимо.

Я даже не успела оскорбиться — во-первых, мне было не до этого, да и мы с Димой возможно и правда не выглядели как рекламное лицо здорового образа жизни прямо в этот момент: я бледная, взъерошенная, с глазами по пять рублей, он — мокрый и запыхавшийся от быстрой ходьбы.

А во-вторых... если бы я и попробовала разобраться, почему она так решила, боюсь, не нашла бы ответа.

— Ты чего подкрадываешься? — выдохнула я наконец, всё ещё чувствуя, как сердце бешено барабанит в груди.
— Я не подкрадывался, я тебя звал, — спокойно возразил

Дима и слегка приподнял бровь. — Хотел проводить.
— Зачем? — подозрительно прищурилась я, обхватив себя руками так, словно могла защититься от его аргументов.

Он закатил глаза так картинно, что я едва не фыркнула. А потом улыбнулся — неожиданно мягко, даже немного робко.
— Ну, как минимум, чтобы ты не ходила одна по улицам так поздно.
— А как максимум? — я приподняла подбородок, будто проверяла его на искренность.
— Как максимум... чтобы провести с тобой ещё хоть немного времени. Раз уж в ресторане нам нормально поговорить не удалось.

И с этими словами он подставил мне локоть. Настоящий кавалер, только не хватает цилиндра и трости. Я пару секунд с сомнением уставилась на это предложение, внутренне колеблясь: принять или гордо уйти, изображая независимость. Но в итоге выбрала первый вариант.

— Ладно, — пробормотала я, беря его под руку. — Потерплю тебя. Всё лучше, чем простуда или воспаление лёгких.

Ветер снова дернул мои волосы, а Дима чуть наклонил зонт, чтобы прикрыть меня. И, черт возьми, рядом с ним идти оказалось куда теплее, чем я ожидала.

Мы зашагали в сторону метро. Асфальт поблескивал от дождя, фонари отражались в лужах жёлтыми пятнами, а прохожие торопливо жались друг к другу под зонтами.

— Ну и как тебе вечеринка? — спросил Дима, наклоняясь

чуть ближе, словно мой ответ был секретом. — Я, если честно, ожидал больше тортов и меньше тостов.
 — Торты будут позже, — усмехнулась я. — Правда, увидят их только самые стойкие, кто доживёт до финала.
 — Ну и ладно, много сладкого в любом случае вредно. — заметил он.

Мы шли рядом под одним зонтом, и дождь барабанил по ткани так ровно и настойчиво, что казался нашим невидимым оркестром. Мир вокруг растворился в сером шёпоте капель, и остался только маленький остров света и звука, где были мы вдвоём — чуть ближе друг к другу, чем я могла себе представить еще несколько минут назад.

— Ты сегодня выглядишь так, будто сбежала с обложки журнала, — сказал Дима, наклоня голову и шурясь, словно приглядывался к деталям.

— Да ну, — фыркнула я. — Просто платье и каблуки.

— Ага, ну конечно просто. — он улыбнулся, и от уголков его глаз разбежались тонкие лучики морщинок. — Но поверь, если бы я вышел в платье и каблуках, эффект был бы совсем не тот.

Я постаралась остаться невозмутимой, но уголки губ всё-таки предательски дёрнулись. Поэтому я поспешно поправила ремешок сумки и сделала вид, что слишком занята этим процессом и своим безупречным равнодушием.

— Ты всё время шутишь?
 — Только когда волнуюсь, — легко признался он и привычным жестом поправил на переносице очки. — Вот сейчас, например.
 — И что тебя

так волнует? — спросила я, нарочно сделав голос чуть ленивым. — Что ты решишь, будто я скучный, — сказал он с улыбкой, но глаза при этом смотрели серьёзно.

Его слова настолько выбили меня из колеи, что я резко повернула голову и уставилась на него с полным недоумением. И именно в этот момент мой каблук предательски угодил в выбоину асфальта. Я потеряла равновесие и уже почти летела вниз, но сильные руки подхватили меня.

Дыхание сбилось — то ли от испуга, то ли от того, как легко он удержал меня. Я рефлексивно схватилась за него, пальцы сжали ткань его пиджака, и в следующее мгновение оказалось, что я прижалась к нему вплотную.

Его рука обвила мою талию, а сама я, чуть запрокинув голову, смотрела на него снизу вверх. Лицо Димы оказалось так близко, что не смотря на шум я различала его тихое, неровное дыхание, а на волосах заметила капельки воды.

— Держу тебя. — выдохнул он и от этих двух слов у меня внезапно мурашки прошлись по коже.

Дима крепко держал меня обеими руками, и только спустя мгновение я поняла, что зонт безнадёжно съехал в сторону. Мы стояли посреди улицы под мелкими каплями моросящего дождя, который осела на наших волосах, щекам и одежде.

Несколько секунд тянулись бесконечно: я слышала только его дыхание и стук собственного сердца, а весь остальной мир будто растворился в сером тумане дождя.

Мне стало ужасно неловко. Я не могла вспомнить, когда в

последний раз была так близка с кем-то из мужчин. Лёгкая дрожь прошла по плечам, а мысли путались — одновременно и смущение, и странное, почти детское удовольствие от того, что кто-то так позаботился обо мне.

Я робко отстранилась, заправила волосы за уши и снова взяла Диму под руку, стараясь сделать вид, что всё в порядке, хотя внутренне смеялась над собой: «Что ты, Оля, и поплыла как девочка подросток?».

— Всё в порядке, спасибо... — выдавила я и опустила взгляд на мокрый асфальт.

Мы ещё прошли вперед, молча, словно больше не находя тем для разговора, когда вдруг сзади раздался голос:

— Ольга, добрый вечер! А я увидел и думаю — вы или не вы?

Я резко обернулась и замерла. В свете фонарей ко мне приближался человек, которого я совсем не ожидала увидеть.

Глава 7. Оля

— П-пётр Константинович?.. — выдохнула я, и голос мой предательски дрогнул. Кажется, я начала заикаться, как школьница, попавшаяся с телефоном на уроке.

Вот уж кого меньше всего я ожидала встретить на улице поздним вечером — так это собственного заведомого. Ещё и после того, как последние дни я мастерски практиковала дисциплину «уклонение на рабочем месте», бегая от него с видом крайне занятого человека.

Пётр Константинович стоял всего в паре шагов от нас под широким темным зонтом-тростью. Высокий, в безупречно сидящем тёмном пальто, с подчёркнуто широкими плечами, аккуратно уложенными русыми волосами с серебристой нитью у висков. И той самой вежливой улыбкой, от которой у половины стационара подкашивались колени. Респектабельный, уверенный, эффектный. Воплощение успеха «за сорок», как его представляю преобладающее большинство людей. И, разумеется, именно сейчас он решил прогуляться под дождём.

— Какая неожиданная и приятная встреча! — сказал он с наигранным удивлением, в котором я, к сожалению, сразу уловила тень упрека. — В больнице вы прям неуловимая, а тут мне улыбнулась такая удача.

Он провёл по мне взглядом сверху вниз — от макушки моих растрёпанных после дождя волос до самых кончиков туфель — и обратно. От этого внимательного, слишком оценивающего взгляда мне захотелось немедленно спрятаться, запахнуться в пальто до подбородка и раствориться в ближайшей луже.

Я судорожно вдохнула, натянула на лицо улыбку и попыталась изобразить радость от встречи. Но, судя по тому, как предательски дёрнулся уголок моего рта, вышло у меня что-то среднее между нервным тиком и намеком на инсульт.

И как будто для пущего эффекта, именно в этот момент Дима, абсолютно невозмутимый, подтянул меня ближе к себе под зонт. Спокойно, чуть настойчиво, но так, словно это было самое естественное в мире.

— Ой... добрый вечер, Пётр Константинович, — выдавила я, кивнув и чувствуя, что щеки начинают предательски гореть. Голос, конечно, прозвучал так, будто я только что вдохнула гелия. — Мы вот... гуляем.

«Гуляем?!» — мысленно завизжала я на саму себя. — «Браво, Оля! Прямо сейчас получаешь «Оскар» за самую нелепую импровизацию года.

— Прогулки — это прекрасно, — снисходительным тоном сказал Пётр Константинович, чуть кивнув, словно благословлял нас. — Свежий воздух творит чудеса для здоровья и иммунитета.

— Ну да... — я неловко кивнула, уставившись куда-то в

лужу у своих ног.

«Ну да? Серьёзно?! Следующий уровень красноречия: «угу» и «ага»?»

Пауза повисла тягучая, и я почувствовала, как он смотрит на нас обоих с тем самым прищуром, в котором читается больше вопросов, чем хотелось бы. Сердце колотилось так, будто я проглотила метроном.

— А вы... — начал он и устремил внимательный взгляд на Диму.

Тут до меня дошло, что по всем правилам приличия я должна их представить. В моей голове вспыхнула надпись неоновыми буквами: «Ну вот, Оля, выкручивайся!»

— Ой, простите, — поспешно заговорила я, — Дим, познакомься... это Пётр Константинович, заведующий отделением, в котором я работаю. Светило современной медицины, лауреат наград крупных ассоциаций...

Я ещё не договорила, а он уже заметно приосанился, подбородок чуть выше, взгляд — с оттенком самодовольства. И, конечно же, деланно отмахнулся, будто всё это лишнее:

— Ольга, вы меня смущаете, — сказал он, но губы растянулись в довольной ухмылке.

— Очень приятно, — спокойно произнёс Дима и протянул руку. Его голос звучал уверенно, ровно так, будто он каждую неделю знакомится с профессорами, академиками и прочими небожителями.

Я сглотнула, понимая, что если сейчас не добьюсь хоть ка-

кой-то логичности в этой сцене, то завтра в отделении пойдут слухи. Но вместо нормального объяснения мой язык, видимо, решил выступить в жанре стендапа, и я ляпнула первое, что пришло на ум:

— А это Дима... мой... жених.

Глава 8. Дима

— А это Дима, мой жених.

Чего?!!!

Сказать, что я знатно охренел от такого поворота — это будет преуменьшением века. Жених, значит. Вот так живёшь себе спокойно: чипсы, приставка, пиво по пятницам... а потом бац — и ты уже в статусе «жениха». Даже кольцо дарить не пришлось, удобно.

Я поворачиваюсь к этому самому Петру Константиновичу, заведделением, значит. Мужчина высокий, холёный, взгляд такой, будто взглядом проверяет не только мою прописку, но и кредитную историю за последние десять лет. И смотрит на Олю слишком внимательно и как-то собственнически что ли. Вот от этого взгляда меня уже начинает подкипать. Не нравится мне этот тип

Оля рядом явно вся натянутая, сжавшаяся и как в ожидании какой-то беды. И тут до меня дошло — ага, вот зачем эта внезапная «жениховская» роль. Ну что ж, сыграем. Потом я ей, конечно, устрою маленький допрос с пристрастием, но сейчас — шоу должно продолжаться.

Я протянул руку, улыбнулся как можно спокойнее, но сжимая его ладонь чуть крепче, чем того требует светский этикет:

— Очень приятно. Дима, — сказал ровно, даже с оттен-

ком дружелюбия. — Оля много рассказывала про вас.

Пауза. Смотрю ему прямо в глаза. И даже не моргаю.

— Взаимно, — отвечает её босс с таким прищуром, будто мы на допросе, а он тут главный следователь. — А вот про вас, Дмитрий, наша Олечка почему-то ничего не рассказывала.

«Наша Олечка»... вот тут у меня в голове что-то щёлкнуло. Зубы сами собой сжались, но внешне я лишь чуть шире улыбнулся. Ага, так значит «наша», да? Отличный заход, доктор. Но со мной такие игры лучше не начинать.

— Ну, — протянул я, чуть наклоняя голову, — счастье любит тишину, слышали наверное такое. Женщины часто бывают такие суеверные. Тем более врачи.

И глянул на Олю так, будто мы и правда вместе кучу лет и я знаю про неё всё — от того, как она морщится на кислое, до того, что прячет шоколадку на верхней полке шкафа за банкой с мукой.

Пётр Константинович сильнее сжал ручку своего зонта, так что пальцы видимо напряглись, но быстро взял себя в руки. Однако я успел это заметить. И ухмыльнулся про себя — не люблю, когда на женщину так смотрят, будто она премия, которую можно вручить самому себе.

— Ну так-то да, медики часто суеверный народ, конечно, — протянул он, явно пытаясь удержать выражение лица между «доброжелательный начальник» и «петух на насесте». — Но всё же странно, Ольга, что вы ни словом...

— Ну так у неё и времени не было, — перебиваю мягко, но достаточно, чтобы его слегка перекосило. — Работа же у вас, Пётр Константинович, серьёзная. Наверняка вы держите всех в таком тонусе, что о личной жизни болтать сотрудникам просто некогда.

Я сказал это с самой невинной улыбкой в мире. А внутри сам себе хлопал — редкий случай, когда можно так филигранно вернуть подкол начальству женщины, которую ты ещё даже не поцеловал.

Он хмыкнул и поправил воротник.

— Возможно, вы правы, Дмитрий. Но всё же... жених. Неожиданно.

— Для вас, может, и неожиданно, — пожал я плечами, глядя на Олю. — Для нас — вполне закономерно.

И, чтоб уж наверняка закрепить спектакль, я обнял Олю крепче и чмокнул в макушку. Легко, но уверенно. Так, чтобы даже в темноте дождливой улицы было понятно: эта женщина не свободна.

Оля при этом, кажется, одновременно и покраснела, и собиралась меня подпалить взглядом. Но, к её чести, виду не подала.

Дождь пошел сильнее. Я выжидательно уставился на «большого босса», в то время как Оля старалась смотреть куда угодно, но только не на него.

Пётр Константинович смерил нас обоих взглядом так, будто мы не под дождём под зонтами стояли, а явились к

нему в кабинет на аттестацию.

— Кстати, Ольга, — произнёс он тоном человека, который между делом решает чужие судьбы, — я ведь жду ответа. По поводу моего предложения. Повышение квалификации, конференция, мероприятие очень престижное, даёт серьёзные перспективы. Я всё ещё надеюсь, что вы все обдумали и согласитесь.

Я боковым зрением заметил, как Оля напряглась так, словно ей сейчас собирались удалять зуб мудрости без анестезии. Глубоко вздохнула и уже открыла рот чтобы что-то сказать. Видимо нечто не очень радостное. Ну и ладно, спасать так спасать.

— Оля рассказывала, — вступаю в игру, слегка прижимая её к себе, будто это самое естественное занятие для меня в этом мире, и не давая успеть ответить. — Честно? Я так ею горжусь! Не каждый день твою женщину приглашают на такие события. Но она точно это заслуживает.

Пётр кивнул, но уголок его губ дрогнул. Понял, что не всё тут так просто.

— Однако, — я выдержал паузу, как будто подбирал слова, — есть одна маленькая проблема. Мне, знаете ли, не очень нравится отпускать её одну. Тревожно знаете ли, профессиональная деформация.

Я покрутил в воздухе рукой, как бы говоря «ну вы сами понимаете о чем я» и добавил, глядя прямо в глаза:

— Хотяяаяя, если получится поехать вместе — это было

бы вдвойне здорово. Для всех нас.

На миг показалось, что у Петра в глазах мелькнуло раздражение. Но он быстро спрятал его за учтивой улыбкой.

— Понимаю, — протянул он. — Но, простите за любопытство, Дмитрий, кем же вы работаете?

Вот оно. Момент, когда меня собираются просветить рентгеном и вынести вердикт о моей пригодности. Я уже открыл рот, но в этот раз уже Оля меня опередила, будто боялась, что я сейчас ляпну что-то неподходящее.

— Дима — спасатель, — сказала она с такой гордостью в голосе, что я едва не поперхнулся.

Спасатель. Ну конечно. Официальная легенда теперь утверждена и скреплена печатью. Оставалось только кивнуть и подыграть.

— Верно, — спокойно подтвердил я, пожав плечами. — Работа нервная, зато полезная.

И добавил чуть с иронией:

— Иногда, знаете, приходится вытаскивать людей из таких передраг...

— Спасатель? — Пётр приподнял брови, и на его лице промелькнуло удивление, которое он плохо скрывал. Кажется, мой вид никак не вязался у него с образом парня в каске и в форме, таскающего шланги и лестницы.
— А можно поинтересоваться, в какой части и под чьим началом, если не секрет? — с показной вежливостью уточнил он. — У меня, знаете ли, тоже есть некоторые знакомства в вашей сфере.

Кто знает, может, пересекались.

— Да чего уж там, — отвечаю без заминки, с лёгкой усмешкой. — Служу в сто десятой части, у Руслана Громова. Слыхали о таком?

Пётр чуть заметно качнул головой: — К сожалению, не имел чести.

— Бывает, но вы — хмыкнул я, — Вы заглядывайте к нам если что, познакомлю.

Собеседник, похоже, окончательно потерял вкус к разговору и занервничал.

Мне это понравилось. Ему явно было сложно со мной играть в его привычные игры.

Дождь шуршал по зонтам прохожих, фонари отражались в мокром асфальте. Мы стояли втроём, и пауза становилась невыносимой.

Оля напряглась так, что я буквально чувствовал это рядом, словно от неё исходило электричество. Потому я понимал — пора сворачивать этот маленький спектакль и линять. Я аккуратно как бы невзначай стал посматривать в сторону метро и немного переминаться с ноги на ногу.

Мужик оказался понятливый.

— Что ж... не буду вас задерживать, — наконец произнёс Пётр Константинович, поправляя воротник. Голос звучал легко, но в глазах мелькнуло смятение. — До завтра, Ольга. Увидимся на работе.

Он протянул мне руку. Я пожал её.

— Конечно, до завтра, — коротко ответила Оля.

Пётр кивнул, бросил последний взгляд и зашагал прочь по мокрой улице. Его силуэт быстро растворился в вечерней темноте и дождевой дымке.

Оля наконец выдохнула, будто только сейчас позволила себе нормально дышать.

— Ну что, милая невеста, — я не удержался и расплылся в самой своей довольной улыбке, — к тебе едем или ко мне?

Глава 9. Оля

Я замерла, чувствуя, как уши начинают гореть.

— Это не то, что ты подумал... — выдавила я, прекрасно понимая, что звучу как героиня дешевой мыльной оперы.

— Погоди, милая, ты запуталась, — перебил Дмитрий, склонив голову набок. — Эта реплика вообще-то из другой серии. — И улыбнулся. Вот с той самой, наглой, самодовольной ухмылкой, которая и в лучшие времена действовала на нервы. А сейчас, когда я только что публично выставила себя идиоткой в присутствии собственного начальника, — и подавно.

— Дима... — я уже не знала, умолять ли его или придумать прямо здесь под этим несчастным зонтом.

— Что, Дима? — он смотрел на меня так, будто прекрасно развлекался. — Должен признаться, ты мастер неожиданных поворотов. Надо же, какое быстрое карьерное развитие у меня. Минуту назад ты меня избегала, а теперь я уже жених.

— Я спасала ситуацию! — зашипела я, чувствуя, что всё внутри меня уже готово взорваться от чувства стыда и неловкости пополам с раздражением. — Если бы не сказала хоть что-то, завтра в отделении слухи пошли бы такие, что мама дорогая.

— А теперь слухи пойдут ещё интереснее, — невозмутимо заметил он, глядя куда-то вперёд, словно обсуждал про-

гноз погоды. — «Жених Оли — спасатель». Солидно звучит, кстати. Не то что «юрист».

Я тяжело вздохнула, понимая, что влипла по полной. ну почему он не мог просто посмеяться и не обратить внимания?

— Так, Дима, — я развернулась к нему лицом, едва не врезавшись носом в его грудь, потому что он, паразит, не отступил ни на шаг. — Ты просто забудь об этом, ладно? Завтра всё разрулится.

— Забудь? — он поднял бровь, и в его глазах сверкнуло что-то подозрительно весёлое. — Милая, после такого я, кажется, официально имею право как минимум проводить тебя домой. Ну, а как максимум — требовать торт на правах почти мужа.

Я закатила глаза. Отлично. Именно этого мне и не хватало — самодовольного «жениха», который явно собирается выжать из ситуации всё возможное.

— Хорошо, — согласилась я сквозь зубы. — Но максимум кофе.

— Заметано, — быстро согласился Дима. — И я провожаю тебя до дома.

— Ладно...

Я выдохнула и кивнула — понимала, что если сейчас начну спорить, Дима всё равно не отстанет. Так что проще согласиться.

Мы двинулись дальше, и шаги гулко отзывались по мок-

рому асфальту. Дождь барабанил по зонту, будто озвучивая мой внутренний хаос. Спустились в метро. Я шла и думала только об одном: как теперь завтра смотреть в глаза Петру Константиновичу.

— Тебе не лень тратить время? — не удержавшись спросила я, когда Дима придерживал для меня дверь. — Я реально могу и сама прекрасно добраться.

— Нет, — не задумываясь ответила мой вынужденный спутник, — Это мой профессиональный долг, вдруг нужно будет прикрыть тебя еще перед каким-нибудь начальником по пути.

Я снова ощутила как проваливаюсь в чувство неловкости и заливаюсь румянцем.

— Да и вообще, — вдруг сказал Дима, чуть склонив голову ко мне. — А мне даже нравится быть твоим фиктивным женихом. Удобная роль: ничего не обещаешь, но бонусы получаешь.

— Бонусы? — я метнула на него взгляд, полный сарказма. — Это ты сейчас про возможность промокнуть под дождем, прокатиться в скоплении осенних вирусов и потерять уйму времени, вместо того чтобы веселиться на празднике?

— Ну, например, — ухмыльнулся он. — Или про то, что у меня есть повод побыть с тобой и насладиться твоим удивительным чувством юмора.

Я фыркнула, но руку из его локтя не убрала. И это раздражало меня больше всего. Вот прям бесило! Но, конечно

же, я тут же придумала себе оправдание: чисто вопрос безопасности. Каблуки, вечер, скользкий пол в переходе... ну а что, упаду — он хоть подхватит. Чистая прагматика, никакой романтики.

— Ладно, идём, — пробормотала я, сама закатывая глаза от собственного тона.

Он довольно усмехнулся и мы двинулись к вагону метро. Дальше было полчаса странного путешествия: вагон гремел, громкоговоритель сипел, дождевые капли стекали мелкими лужицами с зонтов редких припозднившихся пассажиров, а между нами висело напряжённое молчание. Не то чтобы мне хотелось разговаривать — наоборот, каждая мысль крутилась вокруг моего зав отделения, его взгляда и моей «гениальной» импровизации.

Я пару раз ловила на себе Димин взгляд — спокойный, почти невозмутимый, будто мы вообще не вляпались в спектакль. И это раздражало. Ну хоть бровью повёл бы, или сарказмом подколот. Но нет. Просто молчал и рассматривал меня. Но и тишина с Димой казалась мне в некотором роде пыткой. Потому я просто рассматривала окружающих и пересчитывала лампочки освещения.

Мы свернули на мою улицу, и знакомые окна начали вырастать из темноты. Я указала в направлении нужного дома. Наконец-то я скоро останусь одна, замочу свое тело в ванну на полчаса и постараюсь выбросить сегодняшний вечер из головы.

— Ну что, вот и твоя крепость, — сказал Дима, остановившись у подъезда. — Как и положено жениху, убедился, что невеста добралась целой и невредимой.

Я собралась отпустить его локоть и отступить на шаг, но он неожиданно наклонился чуть ближе — не настолько, чтобы это выглядело слишком интимно или навязчиво, но достаточно, чтобы Мне показалось, что я почувствовала тепло его дыхания, смешанное с запахом дождя.

— Не переживай, — тихо добавил он. — Я сыграю роль как надо, прикрою тебя.

И, чёрт возьми, я поймала себя на том, что губы у меня вдруг пересохли, а мозг категорически отказался работать.

Я резко отступила к двери и вскинула подбородок:

— Спасибо за сопровождение. Доброй ночи.

Он усмехнулся, кивнул и только тогда сделал шаг назад.

Я заскочила в подъезд, захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней спиной, прикрывая глаза. Отлично, Оля. Просто замечательно.

Теперь у тебя и работа под угрозой, и «жених», который явно не собирается отставать.

Глава 10. Оля

*«Утро красит ярким светом
Лица заспанных прохожих.
А меня не красит утро.
Я красивая попозже...»*

Эти строки сами всплыли в голове, когда я увидела в зеркале свою «утреннюю версию». Господи, ну за что мне такое? Щёки припухли так, словно я всю ночь отплясывала в клубе и запивала каждый танец литром мохито. Или как будто я, простите, подрабатываю пчеловодом и забыла надеть сетку. Хотя на деле — всего-то пару бокалов вина, максимум три за весь вечер... и ни грамма газировки!

Может, дело в свете? Эта ванная давно мстит мне своими лампочками: . Лампочки-то я купила, Даже положила на видное место, но менять их каждый раз забываю. В общем, снова утро — снова западня.

И вот скажите мне, как после этого идти на работу и делать вид, что я бодрая, свежая и вообще цветущее олицетворение современной медицины?

Посмотрела на подаренный Аней на прошлый день рождения агрегат с микротоками, но предпочла проигнорировать. Мне и без того плохо, чтобы добровольно еще себя током бить.

Я кое-как умылась, собрала волосы в лохматый пучок и

пошла на кухню. Надежда была простая и светлая: завтрак выровняет баланс мироздания.

Но холодильник, как обычно, жил по своим законам. А в магазин я сходить не удосужилась вчера, думала доставку закажу. Последний йогурт сообщил мне датой на упаковке, что умер еще три дня назад. Открыв крышку, я тут же поспешно закрыла ее обратно. Нет уж, спасибо, сегодня я не готова к экспериментам на выживание.

Из всего богатства оставалось одно яйцо и яблоко. И вот я стою и реально размышляю, что из этого можно соорудить — омлет с яблоком? Яблоко-глазунья? Фирменный завтрак девушки-фитоняшки?

И тут, как контрольный в голову, обнаружилось, что банка с молотым кофе тоже предательски пуста. Всё. Конец. Дальше этот день обещал быть только хуже.

Я вздохнула так, что любая актриса театра драмы позавидовала бы, и сказала сама себе:
— Доброе утро, Оля. Ты явно кому-то не угодила и тебя сглазили.

Погода тоже бодрости не добавляла. Низкая облачность и моросящий то и дело дождь напоминали, что вообще-то на дворе осень.

Я заварила себе чай и зависла у окна — наблюдать за людьми во дворе иногда интереснее, чем любой сериал. Вот, например, соседка с чёрным лабрадором. Когда они только переехали, бедняга целыми днями лежал у двери и скулил так жалобно, что хотелось самой выйти и утешить. Теперь,

вроде, привык, но вид у него всё равно такой, будто он главный герой собачьей драмы с бесконечным ожиданием хозяйки.

А дальше по двору торжественно идёт мамочка-соседка из дальнего подъезда. На ней, как всегда, розовый спортивный костюм с огромным капюшоном и небрежно накинутое пальто — образ уже культовый. Огромная коляска с близнецами впереди, два постарше уныло тянутся за ней с видом «спасите нас от этого детсада». И всё это великолепие она умудряется вести одной рукой, параллельно разговаривая по зажатому плечам у уха телефону. Шла она с уверенностью атомного ледокола, а я, наблюдая за этой многозадачностью, честно думала: ну не иначе как магия. И явно недоступная простым смертным.

Телефон коротко пискнул, и у меня внутри всё сжалось. Смотреть совсем не хотелось, но мало ли — вдруг опять что-то по работе. Обычно каждое утро чат с коллегами превращался в сборник «Антологии страданий»: у кого кофе пролился, кто опаздывает и просит прикрыть перед начальством, а кто рассылает открытки «с добрым утром» с котиками, будто это способ хоть как-то пережить день. Меня этот поток спама уже утомил до невозможности, но я дисциплинированно всё пролистывала — ну мало ли, вдруг что-то важное. Иногда реально прилетали полезные предупреждения вроде: «Сегодня внеплановая проверка, держитесь!»

Собрав всю волю в кулак, я потянулась к телефону. И...

нет, не работа. Дмитрий.
Божечки. А ему-то что понадобилось с утра пораньше?

Он: «Доброе утро. Какой у тебя номер домофона?»

Я: «В смысле? Зачем тебе?»
 Он: «Ну в смысле — что нажать на домофоне. Я тут внизу, у твоего подъезда.»

Я всерьёз застонала в голос, будто меня только что приговорили к пожизненной каторге.

 Я: «И зачем ты у моего подъезда?»
 Он: «Поговорить. А ладно, тут кто-то выходит, я сейчас поднимусь.»

Великолепно. Именно то, чего мне не хватало этим чудесным утром — неожиданный визит Димы. Утром я вообще настроена максимум на кофе и тишину, но никак не на разговоры. Кофе этим утром у меня нет. Тишины видимо тоже.

Интересно, если я просто не открою дверь — это будет сочтено за бестактность? Хотя кого я обманываю — это будет именно она. Соврать, что меня нет дома? Также не вариант: если бы я уже уехала, сказала бы сразу об этом. Да и вообще, если честно, я ему действительно должна была разговор.

Пробормотав пару крепких слов на свой же счёт, я кое-как пригладила пальцами темное гнездо на голове, собранное в подобие пучка, вздохнула и поплелась к двери.

Когда я распахнула дверь, из лифта как раз шагнул Дима — неприлично бодрый для этого времени суток. В руках у него — пара бумажных пакетов и... букет цветов. Прежде чем я успела что-то сообразить, он уже сунул цветы мне в

руки.

Я моргнула пару раз, глядя то на него, то на букет.
 — Это что? — выдавила наконец.

— Ну, мы же договаривались о кофе, — с самым невинным видом сказал он. — Но я подумал: а почему бы не устроить тебе ещё и завтрак?

— Я цветы не ем, — сухо заметила я, приподняв бровь.

— Ха-ха, — Дима потряс пакетами у меня перед носом. — Я и это предусмотрел. Завтрак вот тут.

Я стояла в дверях, всё ещё с опаской держа цветы, словно в жизни такого не видела и что с этим делать не знала. Дима, между тем, смотрел так невозмутимо, будто каждое утро ездит к женщинам с завтраком и букетом. Хотя кто его знает, может быть и правда ездит. С него станется.

— Ну... заходи, — сдалась я, сделав шаг в сторону.

Он прошёл внутрь, и я тут же предупредила, стараясь прозвучать холоднее, чем чувствовала:
 — Только у меня нет кофе.

— О, — Дима загадочно улыбнулся и полез в пакет. — Я предусмотрел и этот вариант.

И, словно фокусник из шляпы, извлёк из пакета сразу две пачки: одну молотого, вторую зернового судя по звуку.
 — На всякий случай захватил, — пояснил он. — Так. Ну, где у тебя кухня?

Мой внезапный гость снял пальто, повесил его на крючок (который, кстати, вечно ломался под тяжестью моих курток) и уверенным шагом направился напрямик туда, куда нужно. Я закрыла глаза, сжала пальцами переносицу и сосчитала до десяти. Ну конечно. Две пачки кофе. А чего не три? Мог бы уж для полного комплекта захватить растворимый и капсулы.

И да, я всё ещё стояла, вцепившись в букет, словно он был приклеен к ладони суперклеем. Смешно, но приятно. Как бы я там ни ворчала, а цветы с утра и без повода — это мило, даже если никогда в жизни еще их так не получала.

С кухни донеслось бодрое хлопанье дверцами шкафчиков. Дима явно решил устроить экскурсию по моему хозяйству и, судя по звукам, нашёл себе занятие на утро. Я пошла следом и замерла в дверях. Картина была достойна кисти какого-нибудь современного художника: мужчина под метр восемьдесят, деловито орудующий на моей кухне... в моём фартуке.

Да-да, в том самом фартуке, который я сама надевала от силы три раза в год — обычно в моменты внезапного приступа "хозяйственности" или когда мы готовили с Аней и Полиной. «Памятный» сувенир от бывшего бойфренда-баристы, который пожил со мной пару недель и сбежал к блогерше на Бали. Бойфренд улетел — фартук остался.

И вот ведь парадокс: вещь вроде с историей не самой радостной, но выбросить жалко. И что примечательно на Диме

она сидела куда как лучше, чем на изначальном владельце.

Дима заметил меня, привычным движением поправил очки и с видом человека, готового к подвигам, спросил:
— У тебя турка есть?

— У меня есть кофеварка, — я лениво махнула рукой в сторону аппарата, который честно трудился последние годы.

— Это прекрасно, но всё-таки... — не сдавался он, — каков шанс, что где-то в закромах у тебя спрятана турка?

Я закатила глаза и ткнула в сторону верхнего шкафа над раковиной:
— Там. Кажется, на верхней полке пылится.

Он тут же принялся рыться в указанном месте, забавно вставая на носки, пытаюсь дотянуться. Через минуту радостно воскликнул:
— Ура! Нашёл!

Я продолжала стоять в дверях, привалившись плечом к стене, и смотреть на всё это с равнодушием, граничащим с апатией. Мозг ещё спал и предпочёл принять происходящее как нечто само собой разумеющееся. Ну да, какой-то мужчина ранним утром варит кофе на моей кухне. И да, эта кухня мужчин не видела уже пару лет — если не считать курьеров, доставлявших еду. И что? Нормально. Всё идёт своим чередом.

— А ты чего там стоишь, как не родная, — вдруг обернулся Дима, — садись уже. Сейчас завтрак будет.

Он решительно перехватил у меня цветы, сунул их в раковину (ну да, идеальное место для букета, спасибо), и буквально за руки довёл до стола, усадив на стул так, словно я

ребёнок, которого поставили в угол — только наоборот.

— Какой кофе любишь? — спросил он с деловым видом.
— Чёрный и горячий, — буркнула я.

— Отлично. Полезная информация. А что насчёт способа обработки?
Я приподняла бровь, не понимая, о чём он вообще.
— Ну... молотый или зерновой? — попыталась угадать.

Дима покачал головой, улыбнувшись.
— В смысле мытый или натуральный.

Я уставилась на него, как на человека, внезапно заговорившего на латыни.
— Понятнее не стало, — честно призналась я.

— Окей! — не растерялся он. — Тогда позволь мне тебя удивить.

Я махнула рукой в стиле «делай, что хочешь» и отвернулась к окну, наблюдая, как снова начавшийся дождь лениво стекает по стеклу. Пусть колдует, если у него настроение такое.

Но погрузиться в свои мысли мне, конечно, не дали.

— Ты же знаешь, что кофе — это ягода? — бодро начал Дима.
— Ну... допустим, — осторожно протянула я.

— Так вот! — он уже торжественно втыкал вилку в розетку и засыпал зёрна в кофемолку. — В зависимости от того, как эту ягодку избавляют от мякоти, вкус получается совершенно разный.

Он сунул нос в пакет с зерном, вдохнул так глубоко, будто

это был кислород после недельного похода, и довольно за-
жмурился.

— Есть мытая обработка, полу-мытая и натуральная. На-
туральная — это когда ягоды раскладывают на солнце и
они высыхают сами по себе.
 — Как изюм? — уточнила
я.
 — Именно! Превращаются в кофейный изюм.

Я скривилась.
 — Звучит, честно говоря, не слишком
аппетитно.

— погоди, сейчас объясню, — Дима включил кофемол-
ку и, перекрикивая её визг, продолжил: — Пока кофе так
сохнет, зёрна пропитываются соком этой ягоды, сахарами и
кислотами.

Шум стих, и он уже нормальным голосом добавил:
 — Потом их очищают — и вот тебе готовое зерно. Такой кофе
обычно сладковатый и часто пахнет сухофруктами.

— А вот теперь звучит аппетитно, — кивнула я, делая
вид, что мой желудок не сжался от зависти к этому кофей-
ному зерну.

— Ну, на любителя, — пожал плечами он, засыпал моло-
тый кофе в турку, плеснул воды и поставил на плиту. Лёгкая
пенка тут же начала оживать у поверхности, а Дима небреж-
но помешивал, словно дирижёр в кофейной симфонии.

— А ещё есть мытая обработка, — продолжил он с вооду-
шевлением. — Там ягоды сразу чистят специальной техни-
кой, и сушат уже только сами зёрна. Тогда весь вкус зависит
от места, где рос кофе: климат, почва, высота над уровнем

моря...

Я уставилась на него, щурясь, и наконец не выдержала:
 — Ты сейчас серьёзно? Утро, я ещё толком не встала, а ты уже читаешь лекцию о почвах и высотах?

Он хмыкнул и, не оборачиваясь, добавил:
 — Ага. Это мой способ убедиться, что ты проснулась.

— Ну и третий вариант — полумытая, — Дима поднял палец, будто читал лекцию. — Это что-то как ты уже понимаешь среднее: ягоду очищают не полностью, мякоть частично снимают, но часть остается. И пока зерно сохнет, оно еще немного подкармливается сахаром.

Он проверил турку и убавил огонь.

— Такой кофе обычно выходит более плотным, чуть более тяжелым на вкус. Иногда даже с ореховыми нотами.

— Звучит, как вино, если честно, — сказала я.

— В точку. Кофе вообще часто сравнивают с вином: сортов и способов обработки столько же.

Турка зашумела, и Дима снял её с огня. — Но всё равно главное — это кто с тобой его пьет.

Дима налил кофе в чашки и поставил одну прямо передо мной. Его движения были спокойные и уверенные, без лишней спешки. Потом развернул бумажный пакет и выложил на тарелку круассаны и сэндвичи. Всё это казалось каким-то домашним и одновременно немного интимным — словно мы не случайные люди в странной ситуации, а близкие, привычные друг другу.

Я взяла чашку в руки. Горячее стекло приятно согрело пальцы, а аромат кофе ударил в нос — густой, насыщенный, с неожиданной мягкостью. Первый глоток оказался как откровение: сладость даже без сахара, тонкая кислинка, долгий шлейф послевкусия. Я поймала себя на том, что почти зажурилась от удовольствия.

— Ммм... — выдохнула я.

Дима тут же усмехнулся — заметил. Его улыбка была чуть ироничной, но тёплой. Он подвинул ко мне тарелку, жестом пригласив угощаться. Я послушно отломил кусочек круасана, снова запила кофе и почувствовала, как внутри меня постепенно тает напряжение.

И в этом расслаблении я всё больше начинала замечать самого Диму. Как он обхватывает ладонями чашку, чуть склоняясь вперёд. Как у него немного понижается голос, когда он произносит длинные фразы. В нём сейчас не было нарочитой показной уверенности, но чувствовалась энергия человека, которому правда интересно то, что он делает в эту минуту.

Даже его лекция про обработку кофе звучала не как заумный монолог ради того чтобы выпендриться, а как рассказ действительно увлечённого человека — и оттого цепляла.

Я вдруг поймала себя на мысли, что мне приятно просто слушать его голос. И быть рядом вот так рядом.

Дима подождал, пока я устроюсь поудобнее на стуле, сделаю ещё пару глотков, съем кусочек сэндвича. И только тогда, чуть прищурившись, будто проверяя мою готовность,

сказал:

— Ну а теперь рассказывай. Что у тебя произошло такого,
что мы в итоге женимся?

Глава 11. Оля

— Ну а теперь рассказывай. Что у тебя произошло такого, что мы в итоге женимся?

Я с трудом проглотила кусок хлеба, который внезапно застрял в горле, и, кашлянув, прикрыла глаза ладонью. Господи, только не сейчас.

— А мы можем просто забыть, что этот эпизод был, а? — пробормотала я, стараясь, чтобы голос звучал непринуждённо.

Дима между тем уже уселся напротив. Он подвинул свою чашку, опёрся локтями о стол и, сложив ладони лодочкой, положил на них подбородок. Его губы растянулись в улыбке Чеширского кота — спокойной, ленивой, но с той самой искоркой, от которой внутри всё будто подрагивает.

— Конечно... нет, — сказал он после короткой паузы, отпивая кофе. Его голос был низкий, чуть хриплый, и в этой интонации сквозила уверенность человека, который привык, что ему всё равно расскажут. — Или можем, — добавил он, задумчиво поводя пальцем по краю чашки, — но только после того, как ты мне всё расскажешь.

Я отставила тарелку и попыталась спрятать неловкость за полудетской попыткой отшутиться. — Зачем тебе это? — спросила я, пожав плечами. — Не пойми меня неправильно, я очень тебе благодарна... за то, что ты меня тогда при-

крыл. Правда. Но я не уверена, что вся эта ситуация вообще стоит твоего внимания.

Он чуть приподнял бровь, будто взвешивая мои слова, и молча отпил ещё глоток. Я смотрела, как подрагивают его пальцы на чашке — сильные, уверенные. Весь он излучал какое-то спокойное, устойчивое тепло — и от этого становилось особенно трудно держать дистанцию.

Молчание повисло, но не тягостное, а наоборот живое и комфортное. В воздухе пахло кофе, свежей выпечкой. Непривычное сочетание для моей кухни, слишком уютное и расслабляющее.

Я поймала себя на том, что не могу толком смотреть Диме в глаза. Слишком открыто, слишком прямо. И, может быть, именно поэтому выдохнула чуть тише, чем хотела:

— Там всё немного глупо вышло...

Дима медленно улыбнулся, не сводя с меня взгляда.
— Отличное начало для любой истории, — сказал он. — Продолжай.

Я закатила глаза.
— Это вообще чистая случайность. И, между прочим, всё началось не с меня, а с моего начальника.

— Ну, логично, — хмыкнул Дима. — Я примерно так и подумал, когда мы его встретили на улице.

— Он просто... неправильно понял ситуацию. И теперь почему-то уверен, что я почти замужем.

— Почему? — приподнял бровь Дима.

— Потому что я ему так сказала, — призналась я и почувствовала, как лицо начинает предательски гореть. Хотелось свернуться клубочком и исчезнуть где-нибудь между кухонным столом и батареей, лишь бы не видеть его взгляда.

— А-а, — протянул он, сделав глоток кофе, — теперь картина вырисовывается куда чётче.

— Да блиин, — простонала я, закрывая лицо ладонями. — Оно само! Просто вырвалось!

— Конечно, — спокойно согласился Дима. — Типичная история: идёшь на работу, врёшь начальнику про мужа — и бац, уже фиктивный брак.

Он кивнул на мою чашку.
— Давай, ешь. Завтрак важнейший из приемов пищи.

Я надулось, как ребёнок, но всё же послушно взяла круасан. В конце концов, халявный завтрак — не преступление. А впереди ещё длинная смена в больнице, где даже чай сделать некому.

Пока я пережёвывала очередной кусочек, Дима вдруг серьёзней.
— Можно я спрошу прямо?

Я неуверенно кивнула.

— Правильно ли я понимаю, — он чуть подался вперёд, глядя внимательно, — что твой начальник... переходил границы? Ты подвергаешься сексуальному преследованию? Попыталась от него отгородиться, придумав мужа, и тут внезапно рядом оказался я?

Я замерла, прижав чашку к губам, и подумала, что, пожа-

луй, впервые за всё утро кофе кажется не таким уж горьким — на его фоне разговор был гораздо крепче.

— Он меня не преследует, — выдохнула я, и голос почему-то прозвучал слишком резко. Даже для меня. — Просто... чтобы избежать всякой двусмысленности с этим чертовым мероприятием, пришлось немного... ну... приукрасить реальность.

Я замолчала, сжала ладонями чашку, будто от тепла кофе могла появиться смелость. Потом тяжело вздохнула и, набрав в грудь побольше воздуха, выпалила на одном дыхании:

— В общем, девчонки на работе болтают, что он якобы ко мне подкатывает. Я — ничего такого не замечала. Ну, может, старалась не замечать. А тут он внезапно зовёт к себе в кабинет, начинает разговор про повышение категории, про какие-то «перспективы» и плюшки. А потом, как бы невзначай, говорит, что на следующей неделе будет мероприятие — крупное, с шишками, с начальством из министерства... и, мол, «было бы уместно, если бы вы пришли со мной».

Я откинулась на спинку стула и усмехнулась:
— А я-то дура подумала, что он просто ценит мою профессиональную компетенцию. Запаниковала и ляпнула что посоветуюсь с женихом.

Дима откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и долго молча смотрел на меня поверх чашки.
Такая тишина, что я даже услышала, как где-то в соседней квартире кто-то включает фен.

— Ну, — протянул он наконец, — профессиональную компетенцию, значит. Вечером. На мероприятии. С шампанским.

Я закатила глаза:
 — Не начинай.

— А я и не начинаю, — он сделал глоток кофе и слегка кивнул, будто подтверждая самому себе какую-то мысль. — Просто уточняю границы между профессиональной компетенцией и дресс-кодом для «особых привилегий».

Я возмущенно ткнула в его сторону пальцем:
 — Очень смешно. Я вообще-то пыталась выкрутиться! Он так смотрел, будто я уже согласилась!

— И поэтому ты сказала, что у тебя жених, — с непроницаемым лицом уточнил он. — И, видимо, Вселенная решила, что им буду я.

— Я не специально! — всплеснула руками. — Это была паника, окей? Я думала, он поверит и отстанет от меня!

Дима хмыкнул, чуть наклонив голову.
 — А он не поверил, или поверил, но кажется не отстал, а вдохновился. Ну что ж, рад, что смог помочь в борьбе с корпоративной романтикой.

Я вздохнула, с трудом удерживая улыбку:
 — Ага. Осталось только выжить после того, как он узнает, что у жениха на самом деле нет кольца, а у невесты нет даже приличного оправдания.

— Пустяки, — отмахнулся Дима и подался вперед, опершись локтями о стол. — Мы просто скажем, что я экономлю

на кольцо, чтобы купить тебе дом у моря.

Не выдержав я фыркнула в кружку.
 — Прекрасно. Тогда уж добавь, что у нас так-то уже семеро приемных детей и собака с аллергией на мужчин в дорогих шмотках, чтобы уж совсем не подходил ко мне.

Дима улыбнулся — мягко, спокойно, по-домашнему.
 И в этот момент я вдруг поймала себя на том, что впервые за всё утро перестала злиться — на себя, на весь этот фарс, на глупую ситуацию. Просто выдохнула и немного... расслабилась.

— Может, просто сказать ему, что он тебе неинтересен? — предложил Дима, как будто речь шла не о потенциальном скандале, а о том, что мне не нравится новый сериал. — Или написать главврачу о домогательствах. Я, между прочим, юрист, если ты забыла. Такие жалобы — мой хлеб.

— Я не могу, — выдохнула я и почти сразу вскочила, хватаясь за кружки, тарелки, всё подряд — лишь бы не смотреть на него.
 — Почему? — спокойно спросил он, следя за мной глазами.

— Потому что главврач — его родственник. А доказательств у меня никаких. Никаких откровенных слов, никаких переписок. Всё вроде бы можно трактовать как рабочее общение... — я пожала плечами, чувствуя, как внутри снова поднимается волна раздражения и бессилия. — Меня просто выставят истеричкой, скажут, что выдумала, что «не так поняла». И всё — можно забыть про карьеру. Да мне тупо

вообще спокойно работать не дадут больше в этой больнице.

Я нервно поставила чашку в раковину и добавила, чуть тише:
— У нас там с профессиональной репутацией стро-го. Стоит один раз вляпаться — и никто потом не возьмёт на серьёзную должность.

— Есть же и другие больницы... — начал Дима.

Я перебила его почти сразу:
— Больницы-то есть, — вздохнула я, — а вот взять меня без нормальных рекомендаций — вряд ли кто-то согласится. Ну, разве что администратором в частную клинику, но это совсем не то, чем бы я хотела заниматься.

Я пожала плечами, опершись ладонями о край стола, буд-то стараясь удержать равновесие не только физически, но и морально.
— Я столько лет вкалывала, чтобы получить образование и категорию, пройти разнообразные курсы и семинары, — пробормотала я. — А теперь всё сведётся к одному «она конфликтная».

Дима задумчиво уставился то на меня, то в окно, почесал подбородок — и вдруг хлопнул в ладоши. Я подпрыгнула от неожиданности.

— Так, всё ясно! Прорвёмся! — бодро заявил он. — Да-вай, свет моих очей, иди собирайся. Я пока тут наведу поряд-ок, а то заболтались мы.

— Собираться? Куда? — я моргнула, не совсем понимая, откуда в этом утре столько энтузиазма.

Он посмотрел на меня с лёгкой усмешкой, одной бровью

выразив всё своё благородное превосходство, и обнял за плечи:
— На работу, куда же ещё. Не может же такая женщина ездить на метро при живом-то женихе, — сказал он и, развернув меня, слегка подтолкнул к выходу из кухни.

— Пока ещё живом, — буркнула я себе под нос, направляясь в ванну.

Но, если быть честной, он был прав — время уже поджимало, а я всё ещё в пижамной рубашке и тапочках.
Придётся только обсудить с этим самоуверенным юристом один важный пункт — политику личных границ.

Дорогие читатели! Надеюсь вам нравятся картинки, которые я теперь ставлю в конце глав?

Я так же добавила иллюстрации и в некоторые главы выложенные ранее. Если вам нравится расскажите мне об этом в комментаиях, пожалуйста)))

Глава 12. Оля

Доехали мы на удивление быстро. Или, может быть, я просто так глубоко ушла в свои мысли, что пропустила всё — и пробки, и радиопесни, и даже то, как Дима, кажется, трижды нарушил правила.

За окном тянулись октябрьские улицы — везде оранжевые кроны, лужи с отражениями фонарей, люди в куртках, кутающиеся в шарфы. Город был усталый, как будто тоже не выспался, но пах — прошедшим дождем и мокрыми листьями.

Когда мы свернули к парковке для сотрудников, меня внезапно осенило:
 — Чёрт, я забыла предупредить — сюда без спецпропуска не пустят.

Я потянулась за сумкой, которую бросила на заднее сиденье, одновременно пытаюсь открыть дверь. Безуспешно.
 Дёрнула ручку — заперто.
 Ещё раз.
 Тот же результат.

— Эм, — протянула я, бросив растерянный взгляд на Диму. — У тебя, кажется, двери... заблокированы.

Он посмотрел на меня спокойно, с видом человека, который всё это время ждал именно этой реплики.
 — Верно подмечено. И куда ты собралась, если не секрет?

— Говорю же, чтобы въехать, нужно заранее оформить пропуск. Я тут выйду, дойду пешком, а ты езжай. Спасибо

большое что подвез!

Я снова дёрнула ручку — тщетно.
 Дёрнула сильнее.
 Ручка издала жалобный хруст, и я замерла, чувствуя себя как кот, который случайно сломал вазу и теперь изображает мебель.

Дима выдержал театральную паузу, после чего небрежно прокомментировал:
 — Интересная стратегия: если не открывается дверь — сломай её. Может, ты так и пациентов лечишь?

— Очень смешно, — буркнула я, уперев руки в бёдра. — Открой.

— Нет.

— Что значит “нет”?

— Значит “нет”. — Он приподнял бровь и кивнул на шлагбаум. — Мы въезжаем вместе. Не оставлю тебя одну на этом опасном объекте под названием “парковка для медперсонала”.

— Опасном?

— Конечно. А вдруг тут водятся злобные охранники и терапевты, готовые загрызть человека без пропуска.

Я закатила глаза, но — чёрт возьми — уголки губ всё равно предательски дрогнули.

Машина плавно подрулила к шлагбауму, и Дима, как истинный герой дня, неторопливо вышел из салона. К этому моменту охранник уже выскользнул из своей будки и теперь с профессиональным интересом разглядывал блестящее чу-

до техники.

В автомобилях я не разбираюсь от слова «совсем». Для меня существует всего три категории машин: «дорогие», «очень дорогие» и «стоимостью как крыло от Боинга». Судя по выражению лица охранника, Димина игрушка уверенно занимала почётное место во второй.

Я наблюдала краем глаза, как оба мужчины обходят вокруг машины, и переговариваются с видом знатоков: кивают, цокают языками, оценивающе переглядываются. Вид у них был такой, будто они сейчас решают, в какой музей это чудо техники заносить.

Заметив мой взгляд, Дима весело махнул рукой.
Потом он вернулся за руль, а охранник — довольный, словно ему только что предложили тест-драйв, — направился обратно в свой павильончик.

— Что ты ему сказал? — спросила я, когда мы снова тронулись.
— Что жену провожаю, — невозмутимо ответил он. — Сегодня, мол, операция века.

И, конечно, именно после этих слов шлагбаум с почти-тельным жужжанием поднялся.

— Видишь? — с удовлетворением сказал Дима. — Главное — уверенность в голосе.

— Ага, и отсутствие совести, — фыркнула я, но уже улыбалась.
Дима явно получал удовольствие от моего раздражения — впрочем, лёгкого, беззлобного.

Мы остановились почти у крыльца. Осенний ветер под-

хватил опавшие листья и закружил их вокруг машины, как будто нарочно создавая киношную атмосферу.
 Дима заглушил двигатель, повернулся ко мне и сказал с тем самым уверенным спокойствием, которое раздражает и почему-то действует как валерьянка:
 — Всё. Приехали. И, если позволишь совет, — не делай такое лицо, будто тебя везут на казнь. Это просто работа.

Я потянулась к ручке двери... заперто.
 — А теперь-то что? — спросила я, не скрывая раздражения.
 — Сиди, — коротко скомандовал Дима и, не дожидаясь возражений, вышел из машины.

Через пару секунд он уже обошёл автомобиль и открыл мою дверь, галантно протянув руку. Настолько по-джентльменски, что я даже забыла, как дышать.
 — Я и сама в состоянии выйти, — буркнула я, но руку всё-таки приняла.
 — Знаю, — ухмыльнулся он. — Но мне нравится создавать правильное впечатление.

— Какое, простите, “впечатление”?
 — Что у тебя потрясающий вкус на мужчин, — подмигнул он.

Я выдохнула, подавив смешок:
 — Ты невозможен.
 — Зато эффективен, — с довольным видом сообщил Дима. — А теперь иди спасай мир, доктор Ольга.

Он, конечно, сказал это громко. Настолько громко, что парочка коллег из приёмного отделения, проходивших мимо, синхронно повернули головы и с нескрываемым интересом уставились на нас.

— Прекрасно, — пробормотала я себе под нос, чувствуя, как в ушах пульсирует кровь. — Ещё немного, и слухи о моей бурной личной жизни доберутся до кардиологии на пятом.

Дима, конечно, сделал вид, что ничего не заметил.
 — Улыбнись, — посоветовал он вполголоса. — Пусть думают, что у тебя всё отлично.

— Да уж, — усмехнулась я, поправляя волосы. — Особенно с нервами.

Дима поправил мой воротник, будто я не на работу шла, а на важный дипломатический приём, и прежде чем я успела возмутиться — целомудренно чмокнул в щёку.
 Тепло от этого мимолётного прикосновения почему-то побежало вверх по шее, и я уже открыла рот, чтобы что-нибудь язвительно сказать, как вдруг он, абсолютно неожиданно, обхватил меня за талию и мягко, но уверенно, притянул к себе.

— Тссс, — прошептал он мне на ухо. — Не шевелись. Там твой босс.

Я застыла, чувствуя, как моё сердце выбивает чечётку где-то в районе рёбер. Его ладонь уверенно держала меня, дыхание щекотало висок, а от его запаха — черного кофе и чего-то терпкого, древесного — у меня в голове на секунду всё перепуталось.

— Всё, горизонт чист, — наконец сказал Дима и отпустил. Я отступила на шаг, заправляя волосы за уши, чувствуя себя одновременно неловко и... чертовски живой.
 —

Агу... ну это, ещё раз спасибо, — выдавила я, стараясь не смотреть ему в глаза.

Развернулась, направляясь к двери, делая вид, что абсолютно спокойна и не думаю о том, что кто-то мог видеть, как меня только что прижимали к груди, как в романтических фильмах.

И, конечно, пока я шла к входу, он посигналил — трижды. Чтобы все коллеги обернулись.
 Вот теперь официально можно было считать, что черед слухов запущена.

Глава 13. Оля

Знаете ли вы то самое чувство, когда заходишь куда-то — и все вдруг замолкают?
Нет?
Вот и прекрасно. Берегите свои нервы. Ощущения — так себе. Проверено лично, на свежем примере.

Стоило мне войти в нашу раздевалку для персонала, как разговоры стихли. Не то чтобы драматично — просто все трое моих коллег из терапевтического отделения, ещё секунду назад оживлённо шептавшихся, вдруг очень увлеклись своими шкафчиками. Прямо синхронное плавание в халатах.

Доктор Лебедева зачем-то начала тщательно перекладывать запасную одежду с одной полки на другую, с лицом будто решала уравнение Эйнштейна. Света Котова, обычно болтающая без умолку, внезапно вспомнила, что срочно нужно завязать ином образом шнурки на кроссовках. А третья, медсестра Айнур, так старательно запикивала сумку в шкаф, словно пыталась спрятать там компромат.

Я сделала вид, что ничего не замечаю — хотя хотелось спросить, не разорвет ли их от любопытства и не обвинят ли помои меня в этом.

— Доброе утро, — произнесла я, стараясь звучать бодро и по-дружески.

В ответ раздалось нестройное бормотание:
— Ага...

утро... доброе...
 И снова тишина.

Я сняла пальто, аккуратно повесила его на вешалку, и, конечно, тут же почувствовала, как меня украдкой разглядывают через отражение в зеркале.

Ну да, логично. После сегодняшнего «фейкового бойфренда у крыльца» новость явно уже разошлась быстрее, чем результаты анализа на сахар одной звезде отечественной эстрады, что лечится в нашем платном отделении.

Отлично, Оля. Ещё пару таких утр — и можно открывать фан-клуб. Или антиклуб, в зависимости от того, кто первой запустит слух, что ты вышла замуж за олигарха с «Порше».

Я глубоко вдохнула, поправила халат и с максимально деловым видом открыла шкафчик.
 — Ну что, коллеги, как дежурство прошло? — спросила я, чисто для приличия.

Троица замерла на секунду.
 — Тихо, спокойно, — ответила Света. — Без происшествий.
 И добавила, не глядя:
 — А у тебя, Оль, как утро?

Я не удержалась от улыбки:
 — С ветерком.

И пусть они сами решают, в каком смысле.

В этот момент дверь распахнулась, едва не ударившись о стену и впуская к нам шум голосов из коридора, и в раздевалку вихрем влетела Лена — опоздание у неё было не привычкой, а образом жизни.

— ОХРЕНЕЕЕЕЕТЬ, девки! — протянула она с порога, сбрасывая плащ прямо на ближайшую скамейку. Каблуки звонко простучали по полу, сумка грохнулась рядом. — Я

сейчас такую машину видела! Только что с парковки выезжала! Это ж... просто оргазм на колёсах!

Все присутствующие синхронно подняли и повернули к ней головы.

— Тачка — мечта, — продолжала Лена, жестикулируя так, будто описывала святой Грааль. — Кофе с молоком, блестящая, вся такая «я стою дороже твоей квартиры и совести вместе взятых».

Я тихо закрыла шкафчик, стараясь не привлекать внимания.
— А номер, случайно, не запомнила? — спросила я как можно спокойнее.

Лена на секунду задумалась, потом хлопнула ладонью по бедру:
— Не-а, но за рулём — мужчина мечты. Высокий, элегантный, и вид такой, будто в спортзал ходит не для галочки. Я аж сама чуть в шлагбаум не врезалась!

В раздевалке снова повисла тишина.
Троица перевела взгляды на меня.
Я выдавила натянутую улыбку.
— Ну... бывает, — произнесла я, запихивая телефон в карман халата.

Ленка театрально вздохнула и, как дива немого кино, откинулась спиной на шкафчик рядом со мной. Металлический звук отозвался по всей раздевалке, и я мысленно представила, как где-то в коридоре дернулись два ни в чём не повинных санитара.

— Ох, Олька, ты просто не в теме, — протянула она, глядя в потолок с мечтательной обречённостью. — Красивый

мужик на роскошной тачке — это же особый уровень бытия. Понимаешь? Это вайб. Это энергетика. Это... тяжёлый люкс. Такие не ходят по земле, они над ней левитируют.

Я не удержалась и фыркнула. — А вдруг ездят в метро? — спросила я, закатывая рукава халата. — Мало ли, может, просто ты недооцениваешь подземный мир.

Ленка посмотрела на меня с выражением сострадания, каким глядят на человека, который добровольно пьёт растворимый кофе. — Нет, точно не ездят. — Она решительно покачала головой. — Это же, Оля, совсем другой уровень жизни. Там даже воздух — с ароматом денег и кожаных сидений.

— Ну тебе, конечно, виднее, — вздохнула я, застёгивая пуговицу, которая традиционно отказывалась попадать в петлю с первого раза.

Ленка, разумеется, проигнорировала сарказм и продолжила размышлять вслух, как будто мы не на работе, а на ток-шоу «Любовь и парковка». — Как думаешь, с кем он приезжал?

— Мммм? — неопределённо протянула я, надеясь, что она отвлечётся.

— Что "мммм"? — всплеснула руками Лена. — Ну правда, любопытно же!

— Со мной приезжал, — ответила я, закрывая шкафчик. Ленка фыркнула и ткнула меня в плечо. — Да ладно! Я ж серьёзно!

Она начала расхаживать по раздевалке, размахивая руками и чертя в воздухе невидимые линии расследования.
— Так... если он выезжал с нашей парковки, значит точно с кем-то из сотрудников. Хм... Может, с Галей из юротдела? Ей уже за сорок, конечно, но она же ухоженная, держится классно. Или, может, с Аленой из педиатрии — у неё, говорят, новые часы. Яблочные, между прочим, последней модели. Ну не сама же она их купила — явно любовник богатый.

Я стянула с волос резинку и принялась расчесывать волосы, чтобы затем заплести их во что-то более аккуратное, нежели тот пучок, что получился у меня на бегу при выходе из квартиры.

— Чёрт, а вдруг он... — Ленка вдруг повысила голос так, что я чуть не выронила телефон. — А вдруг он с кем-то из санитаров приезжал?!

Я уставилась на неё, моргнула пару раз, убедилась, что ослышаться не могла.

— Что?

Ленка, словно сама испугавшись своей догадки, прикрыла рот ладонью, глаза — круглые, как блюдца.
— Ну а что! — зашептала она заговорщицки. — Вдруг этот красавчик играет за другую лигу?

Я не выдержала и прыснула.
— Лен, ты в своём уме?

— А что такого?! — возмутилась она, но в глазах уже плясали весёлые огоньки. — Мы тут, понимаешь, строим романтические гипотезы про женщин, а он, может, вообще к

санитару Сашке заехал!

— К Сашке, который вчера наполовину уронил каталку с пациентом? — уточнила я, не скрывая усмешки.

— Ну... не исключено, — пожала плечами Ленка, совершенно серьёзно. — Тот типаж: сильные руки, грубая нежность и вечный запах антисептика.

Я прыснула окончательно.
 — Всё, хватит сочинять Лен, — сказала я хихикая, — нам вообще-то работать надо.

Она отмахнулась — мол, потом ещё обсудим — и, наконец, вспомнила, что у нас вообще-то рабочий день, а не клуб сплетниц.

Заперев шкаф, я кинула ключ в карман и пошла в свой кабинет. За спиной ещё слышалось, как Ленка вполголоса строит версии, с кем же этот «мужик, пахнувший деньгами» мог приехать.

Я усмехнулась, поправила выбившуюся прядь волос за ухо и мысленно пообещала себе: в следующий раз действительно стоит принюхаться к Дмитрию повнимательнее. Вдруг я правда не уловила какой он — аромат успеха и финансовой стабильности.

Глава 14. Оля

— Вот вы понимаете, доктор, — заговорщицки начала моя пациентка, устраиваясь поудобнее на стуле, — а она мне говорит: «Это всё потому, что ты с нами по утрам в спорт-клуб не ходишь!»
 Я оторвалась от карточки и кивнула, изображая полное участие.
 — А я ей говорю, — продолжала дама, — как я туда пойду, если у меня голова кружится? Я ж пока дойду, у вас уже весь спорт закончится!

Я едва сдержала улыбку и вернулась к записям:
 Пациентка, 65 лет. Жалобы: утренние головокружения.

— А у вас все подружки такие спортивные, да? — уточнила я, чтобы не смеяться в голос.
 — Да не все, — махнула она рукой. — Но там знаете как: соберутся, идут в спортивный клуб, в бассейне поплавают, посидят в сауне, потом на занятия групповые... Два раза в неделю на танцплощадку, а летом так вообще три.

Женщина тяжело вздохнула и обречённо добавила:
 — А я, пока доползу, они уже всех дедов между собой поделили.

Мои брови непроизвольно полезли вверх.
 — Да-да, — подхватила она, заметив мой взгляд. — Там у нас, доктор, с кавалерами дефицит! Надо прямо очередь занимать, если хочешь с кем-то в паре вальс танцевать А еще...

Речь пациентки прервал осторожный стук в дверь, и в

приоткрывшуюся щель просунулась знакомая светлая голова Лены.
 — Простите, — сказала она наигранно вежливо, — Ольга Сергеевна, можно вас буквально на минутку?

Я сразу поняла: дело не в медицине. Когда у Лены появлялся тот самый блеск в глазах — жди сплетен.

— Минут через десять–пятнадцать, ладно? — ответила я. — Закончу с пациенткой и подойду. Там ничего, не пожар?
 — Ну... не пожар, но горячо, — загадочно произнесла Лена и исчезла, словно Джеймс Бонд.

Я закатила глаза и вернулась к пациентке, которая, судя по выражению лица, была заинтригована не меньше моего.
 — Так, на чём мы остановились? Голова у вас только по утрам кружится? Спите нормально?
 — Да, только по утрам, — кивнула она и с лёгким вздохом добавила: — А сплю... как получится. Возраст, понимаете, то заснёшь сразу, то считаешь овец до рассвета. Лежишь и думаешь, думаешь...

Измерила ей давление. Прекрасное, хоть в космос отправляй.

Она вдруг наклонилась ко мне и заговорщицки положила руку на мою:
 — Милая, выпишите мне что-нибудь, чтобы с утра не шатало и голова хорошо держалась. А то я так всю личную жизнь пропущу!

Я хихикнула.
 — Попробую, но сперва нужно сдать анализы, — сказала я. — Кровь общий анализ и биохимию, всё как положено. Просто так ничего не назначу, ту же с при-

чиной разобраться надо.

— Ох, эти ваши иголки! — драматично вздохнула пациентка. — А нельзя как-то без них? Ну, универсальный рецепт — для всех подобных случаев.

— Пока такого не придумали, — улыбнулась я. — Но если когда-нибудь изобретут — я первая же себе выпишу.

Я распечатала направления, объяснила, где сдать кровь, и проводила её до двери.
 Когда она ушла, я невольно рассмеялась. Представила, как эти неугомонные пенсионерки собирались перед вечерними танцами — в блестящих кофточках, с яркой помадой, делили между собой «дедов по графику» и спорили, кто сегодня получит вальс с местным кавалером.

Да, жизнь у кого-то только начиналась после шестидесяти...

Вернувшись за стол и откинувшись на спинку кресла, я позволила себе короткий выдох — тот самый, что обычно не замечаешь в рутине, но без которого день будто не движется дальше. Взгляд скользнул по монитору, где уже выстроилась электронная очередь из фамилий. Некоторые были мне уже хорошо знакомы. Ещё три пациента до обеда. Но сейчас даже появилось маленькое окно чтобы передохнуть.

Мысль о Лене не давала покоя — она выглядела так, словно сейчас лопнет, если не расскажет.
 Что-то личное. Точно.

Рабочий день шёл своим чередом — привычные жалобы,

знакомые лица, успокаивающие слова, которые повторяешь десятки раз в день.

Я закрыла карточку последней пациентки, дописала пару заметок и собралась написать подруге, что освободилась, но та снова появилась на пороге, будто бы за углом караулила все это время.

— Я поняла! — выпалила она с таким выражением лица, будто только что раскрыла заговор мирового масштаба.
 Не дав мне и слова вставить, подхватила под локоть, вывела из кабинета и потащила по коридору к лифту. По пути умудрялась одновременно понижать голос до шёпота, махать всем встречным и улыбаться, как будто участвует в выборах на звание «Мисс дружелюбие больницы».

— Я всё проанализировала и догадалась, — сообщила она с видом детектива, только что поймавшего преступника.

— В смысле? — опешила я. — Лен, ты вообще про что сейчас?

— Про то, к кому приезжал тот brutальный красавчик на дорожке тачке! — произнесла она с придыханием, будто речь шла не о мужчине, а о редком экземпляре на выставке роскошных самцов.

Из груди вырвался тихий, страдальческий стон.
 — Лен, ну сколько можно? — вздохнула я. — Твой бы энтузиазм да в полезное русло. И с чего он вдруг стал brutальным, если ты его даже толком не видела?

Она махнула рукой, как будто я сказала какую-то чепу-

ху.
 — Оль, не позорься. Это же очевидно! Хилый тю-
фяк с пузиком не станет разъезжать на машине мечты всех
женщин отделения. Это уровень, понимаешь? Вайб!

Я только хотела ответить, но Лена уже переключилась на
автопилот социального обаяния:
 — Ой, здравствуйте,
Вероника Леонидовна! — защебетала она, когда мимо про-
шла заведующая лабораторией. — Я вам там пару карточек
на столе оставила, видели? Да-да, всё выписала, придут ско-
ро! Спасибо, ага, хорошего дня!

Пока Вероника Леонидовна удалялась, я тихо спроси-
ла:
 — Ты уверена, что работаешь у нас медсестрой, а не
PR-менеджером?

Ленка фыркнула.
 — Просто я умею быть многозадач-
ной. Теперь идём — я покажу тебе доказательства.

И, судя по блеску в её глазах, доказательства действитель-
но были.

— Доказательства? — переспросила я, шагая за Ленкой
по коридору. — Только не говори, что ты опять расспраши-
вала охрану.

— Ну а что делать, если информация сама не добывает-
ся? — невозмутимо ответила она, нажимая кнопку лифта.
— Немного допроса, немного обаяния, немного кофе — и
всё, охранник поёт как соловей.

— Кофе? — уточнила я.

— Двойной капучино. Считай, крупная взятка, — гордо
сообщила Ленка.

Я закатила глаза.
 — Ну и что рассказал твой купленный информатор?

— Сказал, что утром приезжал мужчина. Красивый, высокий, в дорогом пальто и на машине, которая стоит как почка, — заговорщицки зашептала она, делая паузу, чтобы повысить градус интриги. — И не один. С женщиной.

Я вежливо хмыкнула:
 — Ну надо же, в больницу приехал мужчина с женщиной! Это же настоящая сенсация! Теперь смело исключаем из списка подозреваемых всех санитаров.

Мы спустились на первый этаж и зашли в кафетерий.

Я улыбнулась нашему местному бариста и попросила себе стаканчик американо, потому как только кофе мог сегодня спасти мою психику от Ленкиной гиперфиксации.

— Подожди, — Ленка вскинула руку. — Женщина не простая! Брюнетка, в светлом пальто, держится уверенно, видно — не из наших техничек. Охранник сказал, что тот мужик ей дверь открыл и руку подал.

Я чуть не поперхнулась воздухом.
 — Может, у него просто манеры, — осторожно заметила я.

— Или у них настоящий роман, — отрезала Ленка. — Я вот думаю, кто у нас из отделения может быть в светлом пальто...

— Половина персонала, — подсказала я.

— Да нет, не половина! — отмахнулась она. — Например, Светка из приёмного, помнишь, она как-то рассказыва-

ла, что у неё кавалер бизнесмен. Или... подожди... может, Катя из лаборатории! Она же недавно маникюр сделала за три тысячи, а с её зарплатой — явно не сама заплатила.

Я попыталась вставить слово:
 — Лен, ты, конечно, гений дедукции, но...

— Тсс! — перебила она, приложив палец к губам. — Я почти уверена, что это кто-то из администрации. Они же все там, как магнит для состоятельных мужчин!

Получив свой напиток я принялась и к собственному сожалению осознала, что после утреннего кофе, сваренного Димой, местный напиток стал казаться куда как менее привлекательным, чем еще сутки назад.

— Да нет же, Лен, — сказала я, не выдержав. — Он со мной приезжал. Я тебе уже говорила об этом.

Она на секунду замерла, потом расхохоталась:
 — Оль, ну хоть бы придумала что-то поубедительнее! С тобой, ага. И сразу на дорогом авто. С такими как мы с тобой подобные мужики не отираются и руки нам не подают.

— А вот это сейчас обидно было. Я вообще-то серьезно! — нахмурилась я. — Мы просто вместе доехали, он меня подвёз.

Ленка махнула рукой:
 — Конечно, конечно. И ещё, наверное, цветы тебе прям с утра подарил, да? И завтраком накормил? Садись, Золушка, сказка окончена.

Я плюхнулась на стул у одного из свободных столиков тяжело выдохнула, глядя, как она щёлкает пальцами, придумы-

вая новую теорию.
 — Вот увидишь, — произнесла она уверенно, — через неделю выяснится, что это любовник Вероники Леонидовны. Уж больно лицо у него было «начальственное».

Мне захотелось грустно засмеяться:
 — Если когда-нибудь про тебя снимут сериал «Следствие ведёт педиастр», я потребую, чтобы меня играла Скарлетт Йоханссон. Хотя бы ради моральной компенсации.

К нам подошла женщина из отдела кадров — строгая, в очках, с аккуратно собранным пучком, имени которой я никак не могла запомнить.

— О, Лаврова, хорошо что я тебя увидела, — обратилась она ко мне, возвышаясь сейчас надо мной и смотря сверху вниз, — твой жених звонил, спрашивал про пропуск на ягуар.

Я подняла голову и едва не пролила на себя стакан с кофе.
— Жених? — переспросила Ленка с таким выражением лица, будто кадровичка только что объявила, что я выхожу замуж за Илона Маска. — Ягуар?
 — Да, — невозмутимо подтвердила кадровичка, поправляя очки. — Так вот, если пропуск вам действительно нужен, Ольга, придётся подняться к нам и подписать бумаги. Без вашей подписи ничего не оформим.

Я моргнула, пытаюсь сохранить хоть видимость спокойствия:
 — Эээ... да, конечно, подойду. Спасибо большое и простите за беспокойство.

Она кивнула и ушла, оставив после себя сладкий шлейф духов, от которого захотелось выйти подышать на улицу или спешно принять что-то антигистаминное.

Я обреченно выдохнула, и посмотрела на Ленку, которая стояла напротив, хлопала глазами и открывала рот, как карп. Ну всё, сейчас начнется...

Глава 15. Дима

Я проводил взглядом Олю, пока двери больницы не сомкнулись за её спиной, и только потом завёл двигатель. Настроение у меня было подозрительно хорошее — особенно если учесть, что я выспался ровно никак и выехал из дома в такую рань, что даже вороны ещё спали, не говоря уже о людях. Зато с собой у меня был кофе и завтрак для Оли — то есть, миссия оправдана.

Вчера, после того как мы попрощались у ее подъезда, пришлось вернуться обратно к ресторану за машиной. Откладывать это до следующего утра я не хотел, да и просто опасался за сохранность машины. Черт его знает, не пришлось бы мне потом разыскивать ее по всем штрафстоянкам?

Успел аккуратно к моменту, когда последние гости выполняли с праздника, и, естественно, словил пару ехидных комментариев вроде: «Ну что, герой-любовник, спас принцессу?». Я отшутился, как мог, забрал свою «кису» и поехал домой. По дороге включил «мою волну» в музыкальном приложении — тот самый плейлист, под который невозможно грустить, и горланил песни в голос, чтобы не заснуть под мерное мелькание фонарей.

Единственный человек, кто по-настоящему оценил бы мои утренние подвиги в стиле «завтрак и кофе под дверью любимой» — это мама. Она вообще всю жизнь стояла на

страже простых, но фундаментальных истин: для того чтобы доказать свои чувства не нужно громких слов, букетов размером с человека и кричащих романтических ужинов на крыше. Главное, по её мнению, — чтобы мужчина умел позаботиться.

И вот теперь я, сонный, но бесконечно довольный собой, понял, что окончательно превратился в мамину гордость.

Жаль что она этого уже не может увидеть.

А впереди у меня был длинный рабочий день, который, к счастью, не предполагал поездок в суд. Сегодня предстояла только скучная юридическая работа: разработка и проверка трудовых договоров, онлайн-консультирование пары постоянных клиентов-кадровиков по вопросам подготовки документов для увольнения или оформления сотрудников по новым правилам, и прочая рутинная работа.

А вечером я заеду за Олей после работы. Мне это приятно, а ей полезно — если учитывать ту маленькую игру, которую мы вроде как затеяли. Я был абсолютно уверен, что наше появление у больницы не прошло незамеченным, и в конце концов мое присутствие должно было отпугнуть от нее нежелательные «подкаты» начальства. Конечно, признаюсь, у меня имелся и свой шкурный интерес — кто же откажется от такого бонуса, как проводить время с симпатичной ему женщиной.

Но, если честно, больше всего меня беспокоило, что она и правда могла попасть под давление этого хмыря в пальто.

У меня до сих пор скулы сводило, когда вспоминал, как он произнёс своё «наша Оленька» — с тем самым самодовольным тоном, будто женщина ему личная собственность. Так что да, я искренне хотел найти способ его немного... ну, скажем, приструнить.

Свернув на нужную улицу, я морально приготовился к квесту под названием «Найди парковочное место, если сможешь». Ещё час назад я бы спокойно нашел где оставить машину прямо у офиса, но сегодня приехал позже — и теперь даже священная «парковка для сотрудников» выглядела как поле боя после штурма.

После трёх кругов вокруг квартала мне всё-таки повезло — я втиснул машину в узкое местечко между фонарным столбом и припаркованной Пежо. Пришлось помучиться с маневрами, но в итоге зашёл ровно в паз. Победа!

Про себя пообещал: как доберусь до кабинета — позвоню Оле и разберусь с пропуском. Утром с охранником можно было договориться на живую улыбку и уболтать, но это было случайным везением, не факт, что это прокатило бы снова. А драться за место на обочине с местными таксистами, которые живут за счёт приезжающих пациентов и их родственников, я не планировал. Лучше уж зайду в отдел кадров похорошему с коробкой конфет.

Пока я возвращался по улице к офису, ловил себя на том, что иду и улыбаюсь. Настроение было редкое — лёгкое, почти весеннее, хотя на дворе глубокая осень, а воздух уже

пропитан этой осенней прохладой, от которой пальцы хотят спрятаться в карманы. В небе мелькали голубые просветы между облаками, солнце выстреливало редкими лучами, и я подумал, что день обещает быть чертовски удачным.

И вот, как назло, телефон зазвонил.
 Я машинально глянул на экран — незнакомый номер, код города вроде как столичный.
 — Дмитрий Сергеевич? — голос женский, ровный, с тем самым профессионально-сочувственным тоном, от которого по спине пробегает холодок. — Вас беспокоит больница имени... (название я даже не расслышал, мозг мгновенно насторожился). Вы указаны как экстренный контакт для связи у Кожиной Марии Ивановны. Она поступила к нам по скорой помощи. Не могли бы вы приехать?

Мир на секунду будто сжался до тонкой линии между висками.
 — Простите, кто?.. — переспросил я, хотя прекрасно понял, кого назвали.
 — Мария Ивановна Кожина. Вы указаны у неё в документах.

Вот тут-то вся солнечная благодать этого утра закончилась.
 Я остановился прямо перед дверью офиса, чувствуя, как раздражение мгновенно заполняет всё пространство внутри. Какого чёрта? Опять? Сколько раз я говорил ей — не вписывай мой номер, не втягивай меня больше в свои драмы, не делай из меня бесплатного спасателя по вызову. Но нет же, Маша у нас особенная. Всегда с эффектом присутствия. Даже когда я не участвую.

Я выдохнул сквозь зубы, уставившись на своё отражение

в стекле двери.
 — Да, я понял, — сказал в трубку, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я сейчас подъеду, могли бы вы прислать мне на этот номер адрес сообщением?

Хотя на самом деле хотелось ответить: «нет, ищите кого угодно другого». Хотелось выключить телефон, заблокировать этот номер, стереть сам факт, что когда-то мы вообще были связаны с этой женщиной.
 Но вместо этого я развернулся и пошёл обратно к машине.
 Каждый шаг отзывался злостью и чем-то похожим на обречённость. Потому что сколько бы раз я ни зарекался больше не влезать в её жизнь — в итоге всегда приезжал.
 Как дурак, у которого вместо сердца встроенный усилитель чувства долга.

Глава 16. Дима

Я заехал на территорию больницы, и шлагбаум с лентой поднялся, словно сам он не был рад меня видеть.
 Ни одно утро не предвещало подобного. Всего час назад я планировал спокойно налить себе кофе, включить комп и засесть за договоры. А теперь я стоял на парковке городской больницы, куда меня занесло только потому, что Маша, мать её, вспомнила обо мне снова.

В приёмном покое пахло антисептиком, старым линолеумом и чем-то липким. Стойка регистрации была облеплена людьми: кто-то с бинтами на руках, кто-то с документами и тревогой на лицах, а кто-то видимо просто для компании.
 Я подошёл, назвал фамилию — и девушка за стойкой оживилась:

— А, вы к Марии Кожиной? Она вас ждёт. Сказала, вы... эээ... её парень.

Я только коротко кивнул.
 Внутри что-то противно дрогнуло — то ли от раздражения, то ли от стыда.

Парень.
 Ага. Её парень, который год назад собрал вещи и ушёл, потому что устал вытаскивать её из эмоциональных ям и тянуть на себе давно умершие отношения. Но, видимо, роль экстренного контакта осталась за мной навсегда.

Пока я шёл по коридору, с потолка тускло мигали лампы, где-то звякнула каталка, кто-то кашлянул за перегородкой.

Всё это напоминало плохой ремейк сериала, где герой опять возвращается к прошлому, хотя клялся, что никогда.

В палате Маша лежала на койке, бледная, но с аккуратно подкрашенными ресницами — привычка, похоже, не умирает даже в обмороке. На ней был тонкий плед, волосы растрёпаны, но взгляд — живой, цепкий.
 — Дим... ты приехал, — произнесла она с облегчением, будто я был именно тем, кто должен был появиться.

— Ну да, — отозвался я, стараясь звучать нейтрально. — Ты как вообще?

— Да вроде... уже лучше, — она поджала губы и посмотрела на медсестру у дверей. — Мне сказали, что у меня давление упало. Я шла по улице и просто... отключилась. Я знала что ты приедешь.

Я сжал пальцы в кулак в кармане.
 — Ну у меня не то чтобы был выбор, — ответил спокойно.

В палату зашёл молодой врач в слегка мятом халате и с пластиковым стаканом кофе в руке.
 — Это вы Дмитрий, да? — уточнил он. — Мы вас вызвали, потому что она указала вас как ближайшего родственника. Состояние стабильное, но анализы мы возьмём, ЭКГ сделали, давление нормализовалось. Даже с ее анамнезом никакой угрозы я не вижу.

Я кивнул, чувствуя, как под кожей медленно нарастает раздражение.
 — Понял. Спасибо, доктор.

— Её можно будет забрать ближе к вечеру, если всё будет в порядке.

Когда врач вышел, я посмотрел на Машу. Она прикусила губу и будто ждала чего-то — реакции, сочувствия, вопроса «ты как вообще живёшь». Но я молчал. Мне стало ужасно некомфортно находиться с ней вдвоем наедине.

Всё, что хотел — это выдохнуть и выйти из этого стерильного кошмара обратно на воздух.
Но вместо этого я остался стоять у её койки, чувствуя себя человеком, который снова случайно подписался на роль, от которой однажды уже официально уволился.

— Ну привет, — сказал я, стараясь звучать спокойно. — Ты решила попрактиковаться в театре одного актёра?

Она слабо улыбнулась:
— Очень смешно... Просто стало плохо. Давление, стресс... Врачи сказали, ничего страшного.

— Отлично. Значит, я поехал, — я кивнул и уже собрался выйти.

— Дима, — позвала она тихо. — Подожди.

Я остановился, выдохнул. Знал, что зря. Всегда зря.

— Спасибо, что приехал, — она чуть приподнялась, глядя на меня снизу вверх. — Для меня это... правда очень важно.

Я молчал.
Она продолжила, ловко подбирая интонации: мягко, жалобно, почти шепотом.

— Я знаю, ты злишься. И, наверное, имеешь право... Но я ведь просто испугалась. Никого рядом нет, а ты единственный близкий мне человек.

Я почувствовал, как внутри всё сжимается. Не от жалости

— от злости на себя, что снова стою здесь и слушаю это.

— Маша, — сказал я, — мы расстались год назад. Год. Ты должна уже перестать втягивать меня во всё это.

Она отвернулась, и голос стал дрожащим, будто ей вот-вот станет плохо снова:
 — Я просто... не могу иначе. Ты думаешь, я специально? Я никому не нужна, Дим... кроме тебя. Я люблю тебя. Мы не чужие друг-другу люди и ты сам понимаешь это.

От её слов стало неприятно, как будто кто-то ногтём провёл по стеклу.
 — Знаешь, — я сжал зубы, — я приехал, потому что нормальные люди не бросают тех, кто в больнице. Всё. Не ищи в этом больше, чем есть.

Она посмотрела на меня долгим, почти нежным взглядом, в котором уже читалось: «Ага, конечно, не ищи».
 Я отвернулся и пошёл к двери.

И всё равно, когда за спиной тихо послышалось:
 — Я знала, что ты не бросишь меня... ты ведь хороший, и тоже понимаешь, то нам суждено быть вместе.

Я почему-то не смог ответить. Только сильнее сжал кулак в кармане.

— Ты же забереешь меня вечером домой, правда?

Это было последним что я услышал вслед, когда закрывал за собой дверь.

На улице небо снова заволокло облаками, и мир вокруг стал каким-то тусклым и тяжелым чем еще час назад. Машины сновали по двору, их фары мелькали, отражаясь в мок-

ром асфальте. Я достал телефон, привычно проверил экран — и снова пусто. Сообщений от Оли не было.

От этого странное чувство пустоты сжало грудь сильнее обычного. Хотя на секунду надеялся увидеть её имя на экране, хоть короткую весточку. Но тишина только усиливала тоску, делая всё вокруг еще более хмурым и беспросветным.

— И чего же ты Дима такой идиот, — пробормотал я себе под нос, садясь за руль, — Мы в ответе за тех кого приручили, серьезно?

Я завёл двигатель и долго сидел, глядя в лобовое стекло, пока то не запотело от дыхания.
 Потом включил музыку, первую попавшуюся, и уехал — с тем самым чувством, что, похоже, опять наступил на старые грабли.

Глава 17. Оля

— Вай, а что такая красивая девушка одна идёт?

Голос прорезал поток звука из аудиокниги так резко, что я невольно вздрогнула. Вечерняя Москва как ей и пристало осенью была серой и влажной, будто сама уже устала от прошедшего холода. Фонари мерцали в легком тумане, размытаясь в лужах, асфальт поблёскивал под редким морозящим дождём, а ветер шуршал мокрой листвой вдоль бордюров. Я поёжилась, натянула шарф повыше и ускорила шаг.

На уровне периферического зрения уловила, как вдоль тротуара, чуть позади, ползёт автомобиль. И, судя по всему, именно из него раздался этот «комплимент».

— Давай подвезу, а? — добавил голос.

Принципиально сделала вид, что не слышу. Ускорила шаг, стараясь не оглядываться. Почему мне вечно так везёт на подобных? Проклял кто-то, не иначе. И всё бы ничего, но голос показался... до странного знакомым.

— Оооооль, да погоди ты! — донеслось уже совершенно в другом тоне, и я застыла.

Секунду спустя автомобиль проехал мимо меня, тормознул с характерным брызгом по лужам и, чертыхнувшись, водитель сдал назад.

— Ты чего меня не дождалась и сама ушла? — Дмитрий высунулся в окно, с привычным выражением лёгкого уко-

ризы, будто я сбежала с детской площадки. — Я же говорил, что заеду за тобой после работы.

— А я написала тебе, что сама прекрасно справлюсь, — ответила я, скрестив руки на груди. Но быстро опустила их обратно — в таком виде я себе больше напоминала обиженного ребёнка, нежели уверенную в себе женщину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.